

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 5

Появление советского аэроплана в тунгусской тайге.

Рисунок худ. А. Пржецлавского

„ЗиФ“

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИКЕ
Самоуч. Сергеева и Голубева для венск. двухр. русск. или нем. строя 11 кл. 12 бас., с приложением 20 пьес, II, 1 р.

НА БАЛАЛАЙКЕ
Самоуч. Илюхина. Цена 1 руб. Ильин А. Самоуч. (только по цифровой системе), II, 50 к.

НА МАНДОЛИНЕ
Самоуч. Петрова. II, 1 руб.

НА ГИТАРЕ
Самоуч. Успенского. II, 1 р. 50 к. Заказы до 5 руб. высылаются налож. плат. без задатка; свыше 5р.—по получ. задатка. Пересылка за с/ч заказчика. Москва, Центр, Неглинная, 14/31.

МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА.

Немецкий язык

ТЗУЧАЙТЕ то самоучителю ШМЕЛЕВА, составлен по методу МЕРТНЕРА, не требующему заучив. слов и правил. Допущен ГУС'ом. Курс 1-й (для начинающих)—2 р. 50 к. Курс 2-й (для продолжающих)—2 р. 50 к. Высыл. нал. платеж. Присл. деньги вперед за пересылку не платят.

Акц. О-во «ГОНЕЦ», Москва, Москворецкая, 24/11.

1001 РЕЦЕПТ КУШАНИЙ

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА.

Мясной и вегетар. стол. Загот. на зиму. Наставл. для готовки на примусе. Цена 2 р. 80 к. Высыл. нал. плат. Присл. деньги вперед за пересылку не платят. Акц. О-во «ГОНЕЦ», Москва, Москворецкая, 24/11.

В ДВУХ ДНЯХ

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ
Изд-ва «ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»
Тверская, 26

ВЫСЛАЕТ ЛЮБУЮ КНИГУ

ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ И ПОЭЗИИ.

Книги высылаются только по получении заказа в размере 25% стоимости заказа. При высылаемой стоимости заказа вперед ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.

КНИГУ

по жел.-дорожн. делу, транспорту, технике и др. отраслям знания, а также учебники для всех учебных заведений. Высылают немедл. налож. платежом Книготоргов. База Т. Н. О. Октябрь. ж. д. Ленинград, пр. 25 октября, 41/в.

ГАРАНТ. АККУРАТН. ДОСТАВКА

ЛЮБУЮ КНИГУ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ самообразования, техника, учебники, медицина, классика и пр. выс. нал. пл. Москва, 9. Моховая, 22/В. «НИИГА ПОЧТОН» «САМООБРАЗОВАНИЕ».

К. V. Noorden & N. Dornblüth ДИЕТИЧЕСКАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА

Перевод с немецк. под редакц. проф. В. М. ИГАНЬ-ЯСНОГО.

Единств. научн. и практич. труд по диет. питан. здоров. и бол. Наст. книга для врачей, заведений лечеб. и санаторий, поваров и отдельных хозяек.

Часть I. Научные основы питания
Ч. II. Рецептура приготовления диететич. блюд (573 поварен. рецептов)
Ч. III. Диета при различн. болезнях, искармливание грудных детей и питание матерей.

1. в переп. 5 р. 50 к., с пер.—5 р. 90 к. Высыл. налож. платеж. При высылке денег вперед пересылка БЕСПЛАТНО.

Харьков, ул. Свобо., Акад. 18/В. Изд-во «УНИЗДАТ»

Серия иллюстрир. научно-популярн. книг

„Занимательная наука“

Вышли в свет **НОВЫЕ КНИГИ**

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

в прошлом

В. И. Лебедева, 131 рис. 200 стр. Цена 1 р. 65 к.

ИЗ ОГЛАВЛЕНИЯ: Человек как машина или фабрика.—Как изобретал Эдиссон.—Зарождение паровой машины.—Вечный двигатель.—Начало электрификации.—Знаменитые автоматы.—Говорящие машины.—История велосипеда.—Первый крупно-световой перелет.—История книги.—История спичек.—Борьба за свет.—История часов и мн. др.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ

Проф. А. М. Никольского 67 рис. 200 стр. II, 1 р. 60 к.

ИЗ ОГЛАВЛЕНИЯ: Отчего жалуется сам себя не переваривает.—Бывает ли сердце доброе или злое.—Музыка и кровообращение.—Что такое икота.—Зачем человек дрожит от холода.—Волосатые люди.—Инстинкт и разум.—Правда ли, что мыслить быстрее света.—Что важнее, сон или пища.—Почему мы зеваем и потягиваемся.—Что такое гипноз.—Можно ли слышать звуки, которых нет.—Усталость носа.—Отчего человек от стыда краснеет.—Что значит «родиться в сорочке» и мн. др.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

Я. И. Перельмана. 2-ое изд. 137 рис. 152 стр. II, 1 р. 25 к.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МИНЕРАЛОГИЯ

Акад. А. Е. Ферсмана. 2-ое изд., 100 рис., 320 стр. II, 2 р. 10 к.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Проф. С. П. Аржанова. 2-ое изд., 83 рис. 192 стр. II, 1 р. 30 к.

Имеются в продаже книги той же серии: Занимательная астрономия, Занимательная математика, Зан. электротехника, Заним. электротех. на дому и др. Большинство книг этой серии реком. Главполитпросветом. Книги высыл. налож. плат. без задатка. При высылке денег вперед пересылка беспл.

Заказы адр.: Ленинград 26, Стремянная, 4/19, Коопер. Изд-ву «Время».

БЕЗ НОТ на ГАРМОНИИ

двухр. русск. и загран. строи будет играть каждый по пов. самоуч. с 30 муз. пьес. II, 2 р. 25 к.

на ГИТАРЕ

мандолине, балалайке

по самоучителю этой же школы с нов. пьес, романс. и пр. научитесь играть каждый. Цена 2 р. 25 к. Выс. нал. пл. Москва, Политехн. Музет, 11/3/В. Корп. Т-во «КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ»

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ПРИ ТЕХНИЧЕСКОМ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

при ВСНХ и ВСПК

имеются отделения:

1. ПРОМкооперативное
2. ЛЕСОзаготовительное
3. ДЕРЕВОобделочное
4. По обработ. СТРОЙмат.
5. По механической обработке МЕТАЛЛОВ
6. ОБЧинно-МЕХовое
7. КОЖевенно-ОБУВное
8. ХИМико-КРАСильное
9. ТРИКОтажное

ПРИЕМ КРУПНЫЙ ГОД по окончании свидетельства

Подробный справочник 20 коп. II Москва 9, Тверская, 74, БЗО.

КУРЯЩИМ

ГИГИЕНА, антитабачный мундштук с двойным фильтром, изготовленный по способу проф. «Гейнц-Герман». Очищает табачный дым от вредн. ядов, никотина, отравляющего организм. Поглощает до 94,5% никотина. Делает курение почти безвредным. Благоприятно действует и сохраняет здоровье. Вкус и аромат не изменяются. Небход. кажд. курящему и особенно тем, у кого бол. легкие и сердце. Нурит. прибор из мундштука полиров. рогом с запасом антитабач. препарата, при надлении. и руковод. 2 р. 75 к. Трубка 5 р. Перес. за счет заказа. Высыл. налож. плат. по получ. задатка 1 р. Гор. Винница—2/В, Пред-ству Лаб. батории Сольникер.

Разрешено Мосздравотделом АФМ 254.

ПЕСЕННИК „БАЯН“

Изданье 1923 года.

ПЕСНИ: русск., стар. народ., плясов., шуточн., хоров., девичьи, молодецк., татарск., кр.-арм., флотск., революц., комсом. и быт. военизм.

Частушки. 216 стр. II, 1 р. 51 к. с пересыл. Москва, Китайгор. ст. п. № 7/в или почт. ящ. 867/М. Книжн. дело „БУКИНЕРИ“. И. А. Дувидзон.

ВЫПИЛИВАНИЯ АЛЬБОМ

на 16 лист. НОВЫЕ предм. и игрушки с руководства. и прилож. 17. пилко, 5 л. перев. буш.

Выс. нал. плат. за 2 р. 30 к. с перес. Москва, Моховая, 22/В. «Книга почтой» „САМООБРАЗОВАНИЕ“.

НОВИНКА ДОМАШНИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИК-САМОУЧКА.

Устройство домашн. освещ., звонк., телеф. Изгот. ед. элем. аккумуля., трансформат., выпрямит. РАДИО-приемные установки.

Электр.оборудов. клубов, сцен, изд-читален, установка проецир. фонарей, кино-аппар. и пр. Со 138 рис. и поясн. чертеж. Цена 3 р. с перес. Книжн. склад „НИКОГОСЫТ“ М. А. ИВАСЕНКО и К. Москва, 49.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

ГОСУД. ТЕХНИКУМА ПЕЧАТИ „СОВЕТСКИЙ БУКИНИСТ“

высылает налож. платежом БЫСТРО И АККУРАТНО ЛЮБУЮ КНИГУ

новую или старую. Принимаются заказы на пополнение библиотек по всем отраслям знаний. На ответы присылать 5-коп. марку. Ленинград, просп. Володарского, 55/В.

ЖЕМЧУГ

Французск. типа КЕПТА БЕЛЫЙ, КРЕМ, РОЗОВЫЙ

отличается от других подделок тем, что он тяжеловесен, массивен, не бьется и не отличается от настоящего. С серебряным замком: 45 см.—7 р., 65 см.—10 р. Без замка—100 см.—14 р., 130 см.—18 р., 150 см.—20 р., 170 см.—24 р., 200 см.—30 р. Серьги из жемчуга „КЕПТА“ с сереб. замком—4 р. 65 к. Упаковка, перес., страховка посылки беспл. Высыл. нал. плат. Имеется много блгод. отз. Ленинград 40, Пушкинская, 10, кв. 6. А. Штейн.

НОВЫЕ САМОУЧИТЕЛИ НЕ ТРЕБУЮТ ЗНАНИЯ НОТ

ДЛЯ ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ И БАЛАЛАЙКИ с песнями, романсами и пр. Цена 2 р. 25 к. с пер.

ДЛЯ ГАРМОНИКИ

(двухр.) русск. и загранич. строя отдельный САМОУЧИТЕЛЬ с 30 муз. номер. Выс. за 2 р. 25 к. нал. плат. Москва, Моховая, 22/В. «Книга почтой» „САМООБРАЗОВАНИЕ“.

ПОМОЩЬ ПИСАТЕЛЮ ШКОЛА

1. ФОРМАЛЬНАЯ
2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
3. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
4. ТЕХНИКА И ПУТИ ВОСПРИЯТИЯ. Понятие материала и приема в повести. Знур. форма слова, пути восп. художеств. прозы и др.

в книге М. Б. ГРИГОРЬЕВА

ЛИТЕРАТУРА И ИДЕОЛОГИЯ.

360 стр., в палке. Высыл. налож. плат. за 2 р. 90 к. с пер. Москва, Моховая, 22/В. Изд-во „Никитинские Бурботники“.

МУЗЫКА ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ ВСЕХ!

БАЯНЫ 40 клав. 70 бас.—245 и 250 р.; 49 кл., 90 бас.—370, 350 и 400 р. ГАРМОНИКИ 2-рядн. в 35, 40, 45, 55, 65, 75, 85, 100 и 150 р. ГИТАРЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. МАНДОЛИНЫ в 15, 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. БАЛАЛАЙКИ в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 рублей.

ПОЛНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. ВЕЛИКОРУС. ОРКЕСТР

Прейскурант за две 10-коп. марки высылает Т-ВО „Е. МОСКОВСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ Т-ВО“ Н. Т. Авилон, А. К. Соколов и К. Москва, Тверская, 26/В.

ПОДАРОК МОЛОДЫМ ХОЗЯЯКАМ

Поваренная книга изд. 1929 г.

ДЕШЕВЫЙ СТОЛ

400 разнообразных блюд мясных, рыбных и вегетарианских. Холодные закуски. Изделия из теста. Приготовление варений, конфет, печений, квасов и шипучих вод. Цена 1 р. 50 к. с перес. Москва, Китайгор. ст. п. 7/В или почт. ящ. 867/М. Книжн. дело „Букинери“. И. А. Дувидзон.

любые немедленно высыл. налож. платежом МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА Москва, Неглинная, 14/31.

КАТАЛОГИ (фортепиан., вокальный, больш. духов. орк., струнный, мас.-худож. литерат. книг по музыке).

ПРЕБЫТИЕ БЕСПЛАТНО.

Звоните по телефону 2-32-36, „ВОКРУГ СВЕТА“.

в Там является уполномоченный для приема объявлений в журнал

ВОКРУГ СВЕТА

1930 г.

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 5

3 руб. 20 коп. в год за 36 №№ десятидневного журнала «Вокруг Света». Цена на 8 месяцев — 1 р. 65 к., на 3 месяца — 85 к., на 1 месяц — 30 к. Для заграничных на 25% дороже, цена отл. номера — 7 америк. центов. За перемену адреса — 20 к.

Редакция «ВОКРУГ СВЕТА» — Москва, Центр, Никольская, 10/2. Телефон 64-87.

Подписка принимается в конторе журнала (Москва, Никольская, 10), а также во всех отделениях изд-ва «ЗИФ», в отделениях и магазинах Госиздата, повсеместно на почте и уполномоченными газет «ГУДОК».

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10 тел. 2-32-36); за строку вонп. — 3 р., за строку — 1.750 руб. (сверх тарифа — госналог 10%). При многокр. печ. — скидка по соглашению.

7 руб. 50 коп. в год за 36 №№ «Вокруг Света» с прилож. 24 книг собр. соч. Жюль Верна. На 6 м. — 4 р., на 3 мес. — 2 р. 15 к., на 1 м. — 75 к. При подписке на год рас-срочка: при подписке 3 р., к 1 мая — 2 р. 25 к., к 1 сентября — 2 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Голубой уголь. Роман Н. Н. Железникова. □ «Шайтаны» Сента. Рассказ Сергея Калина. □ Ганги — страна восстаний. Очерк Е. Вируковский. □ Как Чунго летал на небо. Рассказ А. Смирнова. □ Остров долголетия. Очерк Е. Б. □ Естественный зоопарк. Очерк Бенгта Верга. □ Объявления.

ГОЛУБОЙ УГОЛЬ

Роман Н. Н. Железникова

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Ф. Шпир

IX. Ночной вор.

Несколько мгновений пленники ледяного фиорда провели в тяжелом молчании. Было ясно: спускаться на лед с айсберга теперь уже не имело никакого смысла. Упав с такой головокружительной высоты на лед, Марин безусловно погиб. Для того лишь, чтобы убрать его останки, пришлось бы сделать новую лестницу или немедленно заняться проби-ванием бреш. Между тем предсто-яла срочная и очень напряженная работа по постройке моторной лодки. Дни становились все короче, с неумолимой быстротой приближа-лись осенние сумерки, а за ними — беспросветная полярная ночь на дол-гие месяцы.

Размеры моторной лодки рассчиты-тали так, чтобы она свободно могла поднять всех людей и запасы продо-вольствия на несколько месяцев, быть легкой, прочной и способной двигаться как по воде, так и по сне-гу. План был такой: сделать два плоскостных досчатых остова, вставить один в другой, а между ни-ми уложить слой просмоленной ма-терии. Снизу укрепить полозя. При обилии материала (доски доставали на пароходе) и «технических сил» нетрудно было разрешить вопрос об установке мотора и сменной мачты с парусами. Главная трудность за-ключалась в том, чтобы самую гро-моздкую часть работы — постройку корпуса лодки — закончить до на-ступления темноты. Надо было торо-питься.

Уже давно началось постепенное переселение на пароход, и по мере того, как рассеивалось жуткое впе-чатление от первого посещения на-полненной морожеными трупами каю-ты, становилось все легче. Ледяной дом в фи-орде оставался нередко сутками. По-сле гибели Марина окончательно приспособили кубрик для зимовки. Ледяной дом опустел, но никто

конечно не мог предполагать, что пленники ущелья снова захотят вер-нуться в это жилище.

Работа подвигалась вперед бы-стро, дружно и спорно, но прежней бодрости у товарищей уже не было. Не только не слышалось шуток, но все стали необычайно скупы на сло-ва. Сосредоточенно, в угрюмом мол-чании, а иногда даже с непонятным озлоблением каждый делал свое де-ло. Может быть особенно удручаю-щее впечатление произвела на ледя-ную колонию гибель Марина. Сов-пав с моментом первой победы над зелеными стенами, она как бы обес-ценила победу. Все трудности осво-бождения, о которых ранее каждый старался по возможности не думать, теперь представлялись с беспощад-ной ясностью. Неприступно мрач-ным оказался ледяной массив ос-трова с его обрывистыми стенами, слишком безнадежной казалась бес-

конечная ледяная пустыня. Каждый шаг предстоит завоевывать с огром-ным трудом, на каждом шагу грозит смерть. А ведь это только подготов-ка к началу пути!..

Ледяная тюрьма в эти дни стала казаться родным домом, спокойным убежищем, из которого страшно пуститься наружу. И даже работа не рассеивала мрачных настроений, окутавших затерянный во льдах кол-лектив.

Напряженная тревога росла с при-ближением полярной ночи. Спешка с постройкой лодки приобретала го-рячий характер. Тусклые осен-ние сумерки близились к концу, мо-розы крепили, работающие один за другим отмораживали руки, от не-осторожного удара молотком дерево разлеталось в куски как лед.

Однако все опасения оказались излишними. Зимняя тьма опустилась на ледяное ущелье после того, как остов лодки лежал уже на палубе парохода. Более того — успели сде-лать мачту и вообще покончить с плотничной частью постройки.

Теперь работу перенесли в трюм замороженного парохода, где оба механика развернули кузницу и сле-сарную мастерскую, монтируя «дви-гатель Комлинского». Но и на этой

Работа двигалась вперед быстро, дружно и спорно.

работе никому не удалось сполна освободиться от гнета глухой тоски и беспокойства, так в'едчиво и цепко овладевших настроением всей группы. Скоро появились новые обстоятельства, которые не только этому способствовали, но постепенно вынудили всех испытывать все возрастающий страх, дошедший наконец до ужаса такого напряжения, какой бывает лишь в кошмарах.

Долгое время не позволяли окончательно поддаться этим настроениям товарищеская самодисциплина и спайка, но настал момент, когда и это не могло уже сдерживать. На пароходе и в ледяном ущелье стали происходить какие-то совершенно необразные ни с чем, непонятные, нелепые до дикости происшествия, которые могли привести к панике и при менее гнетущей обстановке.

Еще осенью, когда сверху над унылой равниной острова серели сумерки, а на дне ущелья уже скапливалась ночная тьма, было обнаружено первое странное явление, которому тогда еще однако не придали особенного значения.

Часть запасов тюленьего мяса, жира и кож оставалась еще в кладовой при ледяном дворце. Несколько человек во главе с Деревяшкиным, захватив с собой грубо сколоченные сани и фонари, отправились за кожами, которые понадобились для работы.

Бледный свет фонарей робко растапывал у ног желтые, покачивающиеся в такт шагам кружки в густой, тяжело облипшей со всех сторон тьме. Изредка снизу освещалось чье-нибудь лицо с угольными, убегающими вверх кляксами теней — точно лицо было вымазано сажей.

Когда Деревяшкин осветил кладовую, лицо его выразило недоумение, отчего теневые кляксы складками мгновенно разбежались по сторонам. Завхоз ревностно следил, чтобы в кладовой все лежало в порядке, и никому не позволял хозяйничать там в его отсутствие. Теперь же здесь как будто кто-то рылся: царил явный беспорядок.

— Какой здесь неряха самоуправствовал? — спросил он грозно.

Среди спутников Деревяшкина этого неряхи не оказалось. Завхоз, соблюдая зловещее молчание, убрал с пола на место несколько кусков сала и швырком выкинул наружу на сани несколько валявшихся на полу кож.

Репортер высказал предположение:

— Может быть неровно лежали, сами упали?

— Не могло того быть... Я так не укладываю... — проворчал сквозь зубы Деревяшкин.

Об этой мелочи тут же забыли бы, если б на обратном пути не наткнулись на нечто более серьезное, определенно опровергавшее высказанные Бураковым предположения.

Рюмин на подороге заметил у своих ног на льду плотно прилипшую полосу тени, которую не мог согнать его фонарь.

— Что за штука? — сказал он, опуская фонарь.

Подошел Деревяшкин и молча поднял упрямую тень, оказавшуюся тюленьей кожей — совершенно такой же, какие они везли сейчас из кладовой.

— Ну, уж кроме Алфеева никому — он последний ходил за кожами, — сказал Деревяшкин, укладывая кожу на сани. — Такой разиня! Ни взять путем, ни довести не умеет! Да и я хорош: доверился ему и отпустил одного.

Когда по возвращении Деревяшкин стал упрекать Алфеева в неаккуратности, тот ни за что не хотел признать за собой вину: он счетом брал шкуры, ничего нигде не ронял и плотно их увязал. Это полностью подтвердил и Жуков, который все время шел сзади за саними Алфеева.

— Так что же, медведь что ли там побывал?

— А может быть, — равнодушно ответил Алфеев.

— Нужна медведю сухая мороженая шкура, когда там сала сколько хочешь!

— Да отстань пожалуйста! Может быть медведь и любит шкуры, а может быть ты сам обронил, да забыл.

Недели через полторы Деревяшкин пошел в кладовую за мясом, хотя особой нужды в этом не было. Опасения его оправдались. Зоркий хозяйский глаз сразу обнаружил легкий, почти неуловимый беспорядок, которого однако никто больше не смог бы заметить.

— Ну, ничего! В следующий раз будет ясно в чем дело! — сказал Деревяшкин многозначительно, обращаясь куда-то в пространство.

Он вынул из кармана молоток, пробой и большой ржавый замок. Навесив на дверь символ собственности, общепринятый в цивилизованном мире и нелепо выглядевший в этом безлюдном ущелье, Деревяшкин ушел, очень довольный своей выдумкой.

— Посмотрим теперь. Если это медведь, что-то он замку скажет? — ворчал он, возвращаясь в каюту.

Неизвестно, кто и как разговаривал с замком, но когда Деревяшкин через несколько дней опять навегнул кладовую, замок оказался раскрытым. Продукты лежали в порядке, хотя Деревяшкин с пеной у рта уверял товарищей, что несколько кусков сала исчезло. Однако и в этот раз завхоз не сумел никого убедить, что в его кладовой что-то неладно. Комлинский наглядно продемонстрировал, насколько расхлябан замок. Достаточно было его раза два подергать, как он приветливо раскрывался.

— Но не медведь же, в самом деле, дергал! — отчаянно возопил Деревяшкин.

— А кто говорит, что медведь? — лукаво возразил Бураков. — Уж не ты ли выдрессировал его по взлому замков? Сознаться, Деревяшкин, что сам забыл запереть как следует.

Однако, Деревяшкин настоял на том, чтобы срочно перевезти все запасы на пароход. Он предполагал, что там можно будет обойтись без замков. Недели две все шло обычным порядком. Деревяшкин уже перестал возражать против того, что проявил излишнюю подозрительность. Но как раз в это время в кладовой случилось нечто гораздо более неприятное и более определенное, чем «блуждающие» шкуры и «самоскрывающиеся» замки.

Деревяшкин, бледный, прибежал к Василькову и шопотом сообщил, что в кладовой побывал вор. Пропало около пяти кило сахара, кило шоколаду и, повидимому, некоторое количество муки.

— Если вы не ошибаетесь, это очень плохо, — сумрачно ответил профессор. — Лучше всего, пожалуй, сохранить это втайне, чтобы не тревожить товарищей... Но пропажа может повториться или обнаружиться. Тогда будут винить вас или еще кого-нибудь...

— И правильно, — неожиданно ответил из темноты голос Рюмина. — Я, извините, случайно все слышал.

Тотчас сделали учет кладовой. Выяснилось, что пропало продуктов даже несколько больше, чем предполагал Деревяшкин.

— Либо это действительно медведь, — заметил мрачно Алфеев, — либо... кто-нибудь из нас. Надо сделать сейчас же поварный обыск.

— Никаких обысков, — решительно прервал его профессор. — Это ни к чему не приведет, а без надобности оскорблять самих себя не к чему. Вы, механики, сегодня же

сделаете хороший замок. В кладовую отныне будут ходить двое: очередной дежурный и Деревяшкин. Пока не будет готов замок, у двери должен стоять часовой.

Меры, принятые Васильковым, оказались действительными — продукты в кладовой оставались в целости и сохранности, но зато стали исчезать всякие мелкие вещи, которые медведю ни на что не могли пригодиться. Да и исчезали они так, словно мгновенно испарялись.

Алфеев уверял, что у него непонятным образом исчез хороший карманный нож. Никого поблизости не было. Механик оставил на полу палубы на ровном месте нож и сделал всего три шага в сторону — поднять обрывок веревки. Вернулся, осветил фонариком место, где лежал нож — пусто, хоть шаром покати. Обыскал всю палубу — однако ничего не нашел.

— Ну, после найдешь, — сказал Жуков.

А через два дня у Жукова, при тех же обстоятельствах, но уже в кубрике, где он уселся пришивать пуговицы, исчезли со стола и пуговицы, и клубок с нитками. Выходил Жуков из кубрика всего на несколько минут. После долгих поисков две пуговицы он нашел под столом.

Каждые два-три дня обнаруживались все новые исчезновения мелких вещей. У Осинского испарилась пара белья. У Герценштейна чуть не из рук улетела в пространство кружка, при чем она звякнула, точно зацепилась обо что-то металлическое. У Василькова почти на глазах растаял портсигар. Рюмин обнаружил, что у него дезертировали новые портянки, как раз в тот момент, когда он начал переобуваться. Из-под койки Коврова «сами убежали» неизвестно как и куда меховые пимы.

Наконец однажды почти под носом у Деревяшкина отлучилось неизвестно куда приготовленное уже к обеду тушеное мясо вместе с кастрюлей.

Х. Враг из темноты.

Сначала все мужественно пытались объяснить пропажи собственной забывчивостью, густой тьмой полярной ночи, при которой так легко было терять вещи на каждом шагу, неуместным озорством кого-нибудь из товарищей. Но слишком очевидно, упорно и непонятно совершались хищения, и все труднее становилось объяснять «случайностями» и «совпадениями» все факты, взятые вместе, хотя каждый из них в от-

дельности объяснить было сравнительно не трудно.

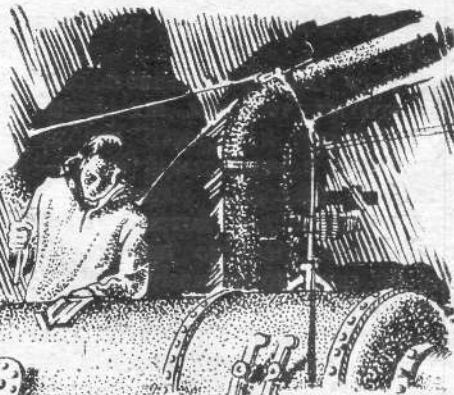
Комлинского эти пропажи не пугали, они его просто раздражали,

Конструктором и строителем атмосферного двигателя сделался весь коллектив.

но в конечном счете доставляли больше чем кому бы то ни было огорчений, так как чаще всего пропажи происходили именно у него. Зато на долю механика выпало несколько мгновений, исполненных глубокого охотничьего волнения, когда ему казалось, что он накроет на месте преступления неизвестного озорника. Ожидание его разрешилось совсем не так, как он рассчитывал. Комлинский сам попал в неловкое положение.

В кубрике все спали. Механик лежал с открытыми глазами и обдумывал очередную деталь своего двигателя. Вдруг он вздрогнул и насторожился. Показалось — что-то мягкое упало на палубу. Бесшумно поднялся, сел. Впотьмах, затаив дыхание, вслушивался бесконечно долго. Было тихо. Лишь размеренно дышали спящие. Но вот — шорох... Шорох у самой двери кубрика. Комлинский быстро вскочил, бросился к выходу. При этом он явственно услышал такой звук, точно кто-то поспешно отпрыгнул в сторону. И в тот момент, когда Комлинский с зажженным электрическим фонариком в руке распахнул дверь, он обо что-то споткнулся и упал. Товарищи проснулись, кинулись к нему. Кто-то зажег фонарь с тюленьим жиром. Комлинский поднялся и сконфуженно посмотрел себе под ноги. На полу лежала связка веревок, свалившаяся со стены.

Связка эта висела у входной двери уже несколько дней.

Комлинский так и не мог выяснить, действительно ли кто-нибудь крался к дверям кубрика и бросил ему под ноги веревки, или они сами упали. Он сердито проворчал, что ему что-то показалось, да никто его и не расспрашивал об этом: и так каждому слишком много «казалось» и слишком много «слышалось». Постоянно напряженное нервное ожидание в беспросветной темноте и напряженный слух вели к частым самообманам. У каждого были минуты сомнения, когда нельзя было разобраться — где кончается действительность и начинаются иллюзии слуха. Но постепенно, с каждым днем все определеннее и все убедительнее выяснялись признаки присутствия на пароходе кого-то неуловимого, прятавшегося в темноте и следившего из этой темноты за членами экспедиции, ходившими по пароходу с фонарями.

Ночью, когда все ложились спать, часто слышалась все более бесцеремонная возня, даже ходьба. Один раз — скрип наверху, со стороны лестницы Комлинского; несколько раз — визг, падение на палубу чего-то грузного и мягкого, точно кто-то спрыгивал с нижних ступенек лестницы; иногда — звонкий звук, точно бросали сверху куски льда или железные инструменты.

Однажды по окончании работ, когда Рюмин один остался на палубе, кто-то сорвал с его головы меховую шапку. Рюмин клялся, что шапка взвилась прямо вверх, «точно цыпленок в когтях коршуна». По крайней мере он уверял, что подпрыгнул, чтобы подхватить улетающую шапку, и задел за нее рукой. Ветра при этом не было никакого. Шапка исчезла бесследно.

В другой раз Комлинского, выбежавшего на минуту из трюма, что-то, похожее на большой рыболовный крючок или острый коготь птицы,

резнуло по виску так, что рассекло кожу.

Ни у кого уже не оставалось сомнений, что из темноты все время зорко наблюдает не просто вороватый озорник, а непонятный враг — неуловимый, благодаря ночному покрову, по-звериному хитрый, сильный и ловкий. Искусно прячась во мраке, он сам, повидимому, все видел, и поэтому каждый чувствовал себя особенно незащищенным против этого врага, когда шел с огнем. Ведь неизвестно было, с какой стороны из темноты наблюдает этот враг и чем он вздумает себя проявить в следующее мгновение.

— Надо отдать справедливость, — сказал однажды Бураков, — наш враг заслуживает доброго слова. Я лично начинаю чувствовать к нему все возрастающую благодарность. Сами посудите — что, кроме благодарности, можно почувствовать к существу, которое имеет полную возможность в любой момент прикончить твое брэнное существование — и тем не менее не делает этого. Удивительно любезно с его стороны, что он, например, не обрушил мне до сих пор на голову какую-нибудь ледяную глыбу!..

Велось еще пострадать от таинственного невидимки, поэтому репортер и не имел оснований считать его врагом. Хуже всех пришлось Комлинскому: не было дня, чтобы у механика не пропало какой-нибудь мелочи — ржавого гвоздя, гайки или ключа из мастерской, очевидно особенно подлюбившейся врагу. И почти каждый день этот невидимый враг насаживал злосчастному механику синяки и шишки, испытывая его долготерпение.

Каждый по-своему толковал «врага из темноты». Иные думали, что это медведь или другой неизвестный зверь, а может быть даже «большая неведомая птица», как сказал Рюмин. Некоторые предполагали возможность присутствия на острове человека или целой группы людей. Гаврилов, например, считал почему-то, что это самоеды, которые боятся показаться открыто и действуют из-за угла, а Ковров не находил ничего невозможного в предположении, что на острове живет одичалый матрос, спасшийся с какого-нибудь давно погибшего полярного судна. Осинский, наконец, утверждал, что невидимый и непонятный враг состоит всего-навсего из темной по-

Несмотря на все возрастающую тревогу, несмотря на темноту и жестокие морозы, работа по сооружению двигателя Комлинского неизменно подвигалась вперед. Сам Комлинский, словно не нуждаясь в отдыхе, был в непрерывном движении и заражал всех своим рвением к работе. Механик требовал, чтобы его товарищи не только работали, но становились и конструкторами. И действительно, все не только слепо выполняли указанную определенную работу, но и конструировали под руководством Комлинского — и сообща и каждый в одиночку. Все, вплоть до географа и метеоролога, никогда до этого не бравших в руки слесарных инструментов! Таким образом конструктором и строителем атмосферного двигателя сделался весь коллектив.

У профессора Василькова имелись особенности, не менее полезные для коллектива. Он, по общему признанию, обладал каким-то секретом одним своим видом или в крайнем случае двумя-тремя словами успокаивать товарищей в самые критические моменты. Но должно быть никто лучше его не понимал, что не будь этой ежедневной напряженной работы и заражающего энтузиазма Комлинского, колония давно бы вышла из-под влияния своего командира. И Васильков, конечно, всеми способами поощрял постройку двигателя.

Больше половины полярной ночи осталось позади. Все части для турбины и для главной трубы двигателя были уже готовы. Комлинский поместил их в трюме, а приводящий и отводящий концы трубы вывел наружу через два люка, прикрепив их к ледяной стене айсберга. Оставалось, установив вентиляторы, склепать отдельные части машины в единое целое. И вот тут-то и произошла задержка, вызвавшая взрыв слепой ярости Комлинского.

В нужный момент ни одной заклепки на месте не оказалось — точно их и не было.

Комлинский обвел товарищей недовольным взглядом.

— Ну, будет шутить, ребята. Побаловались, и хватит. Это уже слишком. Надоело. Глупо, наконец! Не маленькие. Ну?.. Давайте же, чорт возьми, заклепки!!! — нервничал Комлинский.

Скоро над краем айсберга поднимется темный силуэт.

— Будет вздор молоть! — сердито сказал Комлинский.

Как и всегда, он отнесся одинаково неодобрительно и к форме, и к содержанию шутки Буракова. О чем бы речь ни шла, он непременно находил шутки репортера неуместными. Кроме того Комлинский никак не мог согласиться с тем, что «враг из темноты» заслуживает доброго слова. Он хмуро сообщил, что лишь за полчаса перед этим растянулся во весь рост на палубе, так как неизвестно откуда и кем подброшенная палка запуталась у него между ногами. Если и существовал в действительности «враг из темноты», то, конечно, каверза с палкой была делом его невидимых рук.

Осинский высказал мнение, что и Бураков и Комлинский каждый по-своему правы, или, вернее, разное отношение каждого из них к этому вопросу сложилось по вполне понятным причинам. Буракову пока не до-

лярной ночи и расшатавшихся нервов его товарищей.

Но у Комлинского постепенно складывалось и крепло толкование, может быть самое удивительное, но тем не менее пока дававшее ему возможность все хорошо и понятно объяснять. Толкование это, с одной стороны, заставляло Комлинского особенно отрицательно относиться к шуткам Буракова, а с другой — эти шутки дали новую пищу для теории Комлинского.

Но вид присутствующих исключал всякую возможность предполагать шутку. Все молчали. Деревяшкин побледнел и трясся мелкой частой дрожью.

Лицо механика изменилось до неузнаваемости. Со всего размаха швырнул он французский ключ в угол и с неожиданной силой прокричал:

— Где Бураков?..

Не дожидаясь ответа, с фонарем в вытянутой вперед руке кинулся наверх. Остальные устремились за ним.

Репортер, стоя на палубе около тонкой и высокой выводящей трубы будущего двигателя, разговаривал с Васильковым.

— Эй ты! Глупый озорник! Отдавай сейчас же заклепки!.. — заорал механик, подбегая к ним и яростно размахивая фонарем.

Репортер испуганно и недоумевающе перевел взгляд с Комлинского на Василькова и на всякий случай отодвинулся под защиту трубы.

— В чем дело?.. Что с тобой случилось? — недоумевал он.

Комлинский, бледный от ярости, заикаясь, бессвязно изложил свою теорию об «опасности из темноты». Он утверждал, что никакого врага нет, а все проказы — дело рук дурашливого Буракова, который «шутит с огнем неизвестно для чего». Постепенно успокаиваясь, Комлинский довольно убедительно и даже остроумно доказал свое утверждение. Однако он добился совершенно неожиданного эффекта: слушатели почувствовали себя необычайно неловко. Каждому было ясно, что добрый, простодушный и уважаемый ими товарищ говорит невозможные глупости.

Васильков подождал, пока Комлинский, по выражению его же лучшего приятеля Алфеева, «выпалил весь свой заряд» — и стал его отчитывать. Механик не возражал. Дав волю своим чувствам, он испытывал теперь благодетельную реакцию, и теперь ему самому казалось, что нелепо было из-за склонности Буракова к безобидным шуткам приписывать ему злобное и преступное озорство.

Когда репортер выступил вперед и протянул руку, Комлинский окончательно переконфузился и пробормотал какое-то бессвязное извинение. Но не успел он договорить своей примирительной фразы, как почувствовал вдруг, что его странные подозрения не добыты окончательно и настойчиво продолжают еще где-то копошиться.

Бураков точно прочел на лице Комлинского его сомнения и торопливо сказал:

— А ты брось, не думай. Догадки бесполезны. Я с самого начала был убежден, что все окажется гораздо проще, чем мы предполагаем. Не стоит в сущности из-за таких пустяков портить себе настроение.

В это время Васильков, внимательно наблюдавший за лицом Комлинского, подумал, что Бураков сделал ошибку, высказав в настоящий момент так определенно свое неопределенное предположение. Этим он мог лишь оживить подозрительность изобретателя. Нет, положительно Бураков не умеет подходить к Комлинскому...

Васильков хотел перевести разговор на другое, но это сделал репортер:

— И знаете, друзья, — продолжал он после небольшой паузы, — что нам лучше всего было бы сделать?.. Переехать хоть на время обратно в ледяной дом. Там все яснее и проще. И этот самый озорник из темноты либо отстанет, либо его там легче будет поймать.

Предложение Буракова почти всем понравилось. Не одобрил его опять-таки Комлинский — переселение затруднило бы работу над двигателем.

Было сравнительно тепло, температура в тот день понизилась до 20 градусов. Поэтому с палубы не спешили уходить.

Васильков стоял в тени, вне освещенного фонарями товарищей небольшого пространства. Прислонившись головой к трубе двигателя, он рассеянно слушал, как товарищи обсуждали новое предложение.

Вдруг он насторожился. По трубе, как по рупору, донесся сверху неясный приглушенный звук, отдаленно

напоминавший сдержанный смех. Несколько секунд Васильков выжидал, прижав плотнее голову к трубе и невольно вглядываясь вверх в темноту. Больше он ничего не услышал, зато увидел, как у стены в направлении лестницы на мгновение мелькнула какая-то светящаяся точка.

«Что это?.. Чей нибудь глаз?..

Или... папираса? — подумал Васильков. — И то и другое здесь одинаково странно. Может быть мне померещилось?»

Но огонек мелькнул еще раз три, при чем он подымался вверх вдоль лестницы.

«Глаз или папираса — безразлично, — думал Васильков, продолжая смотреть вверх. — Ясно лишь, что это, во-первых, принадлежит нашему «врагу из темноты», во-вторых, — что он взбирается сейчас по лестнице на айсберг; в третьих, — что он действительно из темноты за нами наблюдает.

Огонек больше не показывался. Васильков перевел взгляд к самой вершине айсберга. Небо чуть светлело, дыша слабыми отблесками северного сияния. Васильков ждал не напрасно. Скоро над краем айсберга, в том месте, где должна была находиться лестница, поднялся темный силуэт неопределенных очертаний. Он быстро пригнулся ко льду и осторожно двинулся влево. Васильков продолжал следить еще пристальнее. Несколько раз силуэт исчезал совсем, несколько раз снова появлялся среди нагроможденных льдов. Профессор убедился, что «враг из темноты» перебрался на береговой лед и ушел вверх по краю ущелья.

«А он обнаглед основательно, — подумал профессор. — Что ж, тем легче будет обнаружить его окончательно».

(Продолжение в следующем номере)

„ШАЙТАНЫ“ СЕИТА

Рассказ Сергея Калина

Рисунки худ. В. Щеглова

Высоко на вершине Яйлы, над пенящимся морем, у самого обрыва гигантской раковины прилип аул Кучук-Таш. Кажется от всего мира отрезан аул крутыми обрывами. Ведут к нему лишь глухие тропинки по краю бездны. Много мудрых людей живет в Кучук-Таше, но всех мудрее старый хаджи Асан...

Распарившийся день близился к концу. С Яйлы потянуло прохладным предвечерним ветерком, зарябилась

теплая вода в канавах, закачались армутьевые¹⁾ деревья. Солнце уже спрятало половину своего лица за темносиней, словно стеклянной стеной моря, и облака окрасились в нежно розовый цвет. Сильнее затрещали кузнечики в поле, быстрее залетали чайки над морем, затарахтели мажары возвращающихся в аул татар. Приближалась ночь.

¹⁾ Армут (по-татарски) — груша.

Мемет вылез из шалаша, разбуженный блеянием стада. Потянулся и принялся осматриваться, бормоча:

— А где же Сеит? Ага, вон...

Вдали, около громадного стада овец виднелась сутулая фигура чабана.

— Эй, Сеит!

— Что?

— Гони доить!

— Хорошо.

Пригнанное стадо сгрудилось около шалаша. Мемет и Сеит хватали из кучи овец, тащили к чану. Ловкие пальцы давят вымя, молоко белой шипучей струей бьет из-под пальцев, и овца выдоена.

Солнце уже совсем село, когда дойка была окончена.

— Мемет, иди в лес сушняк собирать. Будем шорбу¹⁾ варить, — сказал Сеит.

Свистнув собак, Мемет направился к соседнему лесу. Старый Сеит принялся рыться в котомке с провизией. Ночь наступала быстро: едва село солнце, как почти без сумерек прилетела тьма. Синее небо задернулось черным бархатом с ледяными блесками звезд. Стихли песни птиц и людей в поле, лишь где-то тоскливо выла собака.

Из тьмы вынырнул Мемет с охапкой веток. Разложили костер. Робкий огонек быстро разросся в большое вихростое пламя. Сгрудилось стадо к огню.

— Опять сейчас хаджи Асана видел. Вниз по ущелью к морю шел. Часто туда он ходит — за это лето четвертый раз. Оглядывается чего-

то. Как будто крадется, — сказал Мемет.

— В прошлом году я тоже видел его, — кивнул головой Сеит.

— А не проследить ли за ним, Сеит? Интересно, чего он к морю ходит. — Молодые глаза Мемета задорно смотрели на старика.

— Ой, не связывайся с Асаном, Мемет! Плохой он человек. Шайтан.

— Ха-ха-ха! Чего ты, Сеит? Нет никаких шайтанов, да если бы и были, разве может хаджи¹⁾ быть шайтаном.

— Много ты знаешь! Молод еще! Забили тебе в комсомоле голову, вот ты и думаешь, что нет шайтанов. Прожил бы ты сколько я, тогда бы...

— Эх, Сеит, — с сожалением перебил старого чабана Мемет, — видно замутилось у тебя от старости в голове.

— У меня замутилось? Нет, оглан²⁾, нет. Сам я видел шайтанов. Сам я видел, кто такой хаджи Асан. Послушай меня, и ты узнаешь, почему я верю в шайтанов...

Сеит замолчал. Стыла над землей роскошная крымская ночь, безлунная, звездная. Лес сумрачно шелестел пахучими ветвями. Шипело под обрывом море. Стонала заблудившаяся во мраке чайка. И тоскливо-тоскливо продолжала выть вдали собака.

¹⁾ Хаджи — так называются у мусульман люди, совершившие паломничество в Мекку. Их считают чуть не святыми. Хаджи имеют право носить зеленую чалму.

²⁾ Оглан — мальчик, юноша.

¹⁾ Шорба — похлебка.

Старик подбросил веток в костер. Пламя встрепенулось и озарило загорелое, с пучками волос лицо Сеита, напряженную фигуру Мемета и темную массу стада. Ковыряя палкой в огне, Сеит начал свой рассказ.

— Два года назад это было. Шел я из аула с провизией. Иду себе медленно, подпеваю. Не заметил, как тучи собрались. Хлынул дождь. Испугался я, думаю: «Пропала провизия; хлеб, сыр — все размокнет». Бросился бежать. А дождь еще сильнее пошел. Пробежал лес; бегу по опушке, слышу — уже близко стадо мычит и Зиядин (в прошлом году он умер — хороший чабан был) покрикивает.

Загремел гром, засверкали молнии. Дождь... такого я никогда не видел. Свернул скорее с тропинки, побежал напрямик. Что такое? Давно должен уже быть шалаш, а его нет. Прислушался: не слышно ни Зиядина, ни стада, только гремит гром. Понял я, что заблудился. Побежал обратно. Дорога совсем незнакомая: камни какие-то под ногами, кусты. Пробежал дальше, слышу — море шумит. Остановился я, не знаю что делать; мешка с провизией нет, потерял где-то.

Заблестали молнии. Зелеными змеями запыгали они по небу. Осветили все. Аллах! Куда я попал? Сбоку бесится море, скалы кругом. Смот-

«Шайтаны» таскали какие-то бьюки в сторону, за костер.

рю, в скале отверстие. Залез в середину; оказывается, пещера. У входа брызжет дождь. Полез дальше — сухо.

Вдруг... я и сейчас дрожу, когда вспоминаю, пещера озарилась зеленоватым светом, послышался ужасный рев, и я увидел хаджи Асана. Он стоял на каком-то ящике и держал в руках черную бутылку, а кругом были ящики. Много ящиков! Да, Мемет, он колдовал там в пещере, и когда я вылез из нее, туда шли какие-то люди с ящиками; это он их вызывал, шайтанов. Аллах дал силу моим старым ногам, я бежал как собака. Утром я вышел около аула Чиур-Мик, в пятнадцать километрах отсюда. С тех пор я дрожу, когда увижу хаджи Асана. Хорошо еще, что он не заметил меня. Ну, что, Мемет, стоит ли мне верить в шайтанов?

* *

Недели шли за неделями, но Мемет никак не мог избавиться от желания проследить за хаджи Асаном. Правда, после рассказа старого чабана пыл его спал, но не надолго.

«Эх ты, — стыдил он себя. — Боишься, а еще комсомолец. Шайтанов испугался! Сеит наверно нарочно попугал. А я...»

Часами сидел Мемет на краю обрыва, глядя на голубые гребни Яйлы, на виноградники, окружающие Кучук-Таш, на белые фигуры татар среди зелени.

Даже Сеит ругать стал:

— Что ты точно большой ишак уши развесил, за стадом не смотришь? Вон вчера Люмана ягненок свалился со скалы — хромает. Так все стадо у нас разбежится. Я один не справлюсь.

Молодой чабан молчал. Гвардеи долбили мысль его крепкую голову, упругая, негнушаяся, как ветвь кизила...

* *

Стался вечер над землею. Вернулись с виноградников татары аула Кучук-Таш.

В двухэтажной сакле на краю открылась дверь. На крылечко вышел высокий с седой бородой хаджи Асан. Ласково потрепав подбежавшую собаку, посмотрел на небо. Скоро ночь — вечерняя звезда уже на небе.

Хаджи Асан идет по улице. Дома кизилы блестя чистотой. Улицу перебегают тарыки с мутноватой водой. Через них переброшены каменные мостики.

Вниз, по извилистой горной тропинке в пахнущее сыростью ущелье спустился Асан. Со стен ущелья ка-

К удивлению стражников вылез один Асан.

пает вода на разросшиеся кусты охера и кизила. Наверху, над ущельем тянутся леса. Великаны-сосны гордо вздымаются кверху, к ним льнут искривленные дубки. Ритмично квакают лягушки, летают над ущельем ласточки и дикие голуби — словом, все как всегда.

Да, все было как всегда... все, кроме одного, чего не заметил хаджи Асан: прячась за изломы скал, стволы деревьев, Мемет шел за стариком.

Ближе к морю ущелье расширялось. Концы его, заваленный громадными раздробленными глыбами, ласковым зверем лизал «дэниз»¹⁾. Скалы были усыпаны выброшенными на берег водорослями, рыбой, ракушками. Хитрое море — сегодня ласковое, завтра сердитое...

Сбился Мемет. Потерял из вида Асана. Стал присматриваться — темно. Вперед идти опасно, — еще наткнешься на старика. Чабан спрятался за камень. В выси звезды мерцают спокойно и мерно.

— А! — молодой татарин чуть не вскрикнул: шагах в ста от него вспыхнуло небольшое, быстро разрастающееся пламя. Через минуту огненный столб подпирает небо. Хад-

жи Асан подбрасывал в огонь очевидно заранее приготовленные куски дерева.

С моря послышались всплески. Чиркнув дном о камень, к берегу подошел каюк, и темные фигуры спрыг-

нули на прибрежную гальку. Мемет перепугался и думал про себя:

«Захотелось мне следить... А вдруг Сеит говорил правду? Так и есть: Асан вызвал шайтанов. Теперь утащат меня в море...»

Но «шайтаны» не обращали внимания на него. Они таскали какие-то вьюки куда-то в сторону, за костер. Когда они проходили мимо огня, чабан разглядел на них турецкую одежду. Вдали, в море изредка вспыхивал зеленый морской фонарь...

Каюк ушел по направлению зеленого фонаря и снова пришел. Снова шайтаны в турецкой одежде таскали вьюки, но теперь Мемет не дрожал, наоборот, он улыбался. В затухавший костер подбросили ветку. Около огня стоял Асан и, какой-то толстый «шайтан». Они о чем-то разговаривали, и пачка беленьких бумажек («Червонцы» — подумал чабан), перешла из сафьянового бумажника Асана в карманы толстяка.

Кто-то затоптал костер. Всплеснули весла жидким огнем. Мимо чабана протопал Асан. Тише шаги, тише...

Мемет осторожно идет по ущелью. Кровавые пальцы, вскарабкался напрямик через гору к шалашу. Растолкал Сеита.

¹⁾ Дэниз — море.

— Знаю, Сеит, что за шайтан твой Асан. Проследил я его... Бегу в город за милицией.

— Постой, Мемет! Какая милиция сможет арестовать шайтана? Он и нас и милицию погубит. Стой! Говорю, стой!

А Мемет был уже далеко. Подпрыгивая от радости, бежал в город.

«Теперь знаем, что за шайтан Асан, знаем! Вот почему он богаче всех в ауле...» — плясали в голове мысли.

* *

В городе воздух был наполнен воробьиным чириканьем. Солнце поднялось красное среди голубых гор.

Вместе с рассветом чабан вошел в город. Около универсама, топая сапогами, расхаживал постовой милиционер. Мемет к нему. Спотыкаясь на русском языке, путая русские слова с татарскими, заговорил:

— Аркадаш¹⁾ начальник, послушай! У нас Кучук-Таш бир²⁾ старик хаджи Асан кантрабанда занимается. Арысовой старык! Сеит гаварит «шайтан», он не шайтан, а кантрабандыст....

Милиционер взволновался.

— Беги скорее, ула³⁾, в участок. Вон там, через два квартала направо. Расскажи дежурному. Да скорее. Эх, мать честная, пост бросить нельзя! Провел бы...

В участке татарина долго не могли понять. Он так волновался, так торопился рассказывать, что забыл те русские слова, которые знал. К счастью в участке был милиционер-татарин. Он перевел начальнику участка все, что говорил Мемет.

— Только странный этот чабан, товарищ начальник, все какого-то Сеита и шайтанов вспоминает, — окончил милиционер перевод.

Трещал телефон, бегали люди, и через полчаса Мемет в сопровождении десяти пограничников и татарина-милиционера верхом направились к Кучук-Ташу.

К полудню прибыли к аулу.

— Идем, покажешь пещеру, — сказал начальник взвода пограничников Мемету.

Спустились в ущелье. Пошли вдоль берега. Вот полуообгорелые ветви костра. Вот камень, за которым сидел Мемет. А пещеры нет. Долго искали ее. Даже наверх по обрыву вскарабкались. Нет пещеры. Бились часа четыре.

— Ну, что теперь делать? — разводил руками взводный. — Даром,

выходит, ехали, лошадям ноги побили... А все ты, негодяй, виноват, — набросился он на молодого чабана.

Мемет испуганно оправдывался. Подошедший Сеит бормотал:

— Отвел глаза шайтан. Моя правда — разве шайтана поймаешь?

— Едем, ребята, к хаджи Асану. Допрос снимем! Протокол надо составить, — зло смотря на Мемета, сказал начальник.

Усталые и разочарованные, направились пограничники к аулу Кучук-Таш.

* *

Хаджи Асан пил кофе, когда во дворе злобно залилась собака. В нижнем этаже саки кто-то громко постучал в дверь.

— Кто там? — слышит Асан голос дочери. И сильный голос отвечает:

— Пограничная стража. Открой-те!

«Погра... — задохнулся Асан. — Открыто все! Спасаться!» — бьются в голове мысли.

Через окно — в сад. За плетень — в огород соседа. Через пастбище — вниз, в ущелье. Скорее, скорее! Там, в тайнике его спасение. Сзади топот. Скорее! В глазах кровавые круги. Топот стихает. Отстали. По обломкам скал. Вот остатки костра. Вот здесь тайник.

Понатужившись (снова в глазах замелькали круги), контрабандист откидывает одну из разбросанных по

берегу глыб, прислоненную к боку обрыва. Прыжок в образовавшееся отверстие. Теперь только задвинуть вход, и Асан спасен. Нет, напрасно открыл он пещеру: не хватает сил завалить камнем вход. Звон в ушах, ногти сорваны, а камень ни с места. Слышится топот. Асан бросается в глубь пещеры.

Прибежавшие стражники направили винтовки на вход в пещеру. Из пещеры послышалось несколько голосов.

— Сдаюсь!! Сдаюсь!!

— Ну, вылезайте, если сдаетесь!

К удивлению стражников вылез один Асан.

— Где же остальные?!

— Я один был там.

— Врешь! А ну, вылезай все! — сунув голову внутрь пещеры, гаркнул начальник.

В ответ из пещеры прозвучало:

— Ээ... э!!

— Эхо! — удивленно протянул милиционер.

— Вот отчего, Сеит, тебе тогда рев в пещере послышался. Это эхо от грома было, а зеленый свет — это от молнии, — сказал Мемет.

В пещере нашли большое количество турецких шелков, заграничных вин и неизменный контрабандный товар — парфюмерию Коти.

С шумом набегали на берег волны. Шуршали, точно оплакивали хаджи Асана: шурр, шурр... Стонали белокрылые чайки. Над Яйлой клекотал орел...

== ГАИТИ — СТРАНА ВОССТАНИЙ ==

Очерк Е. Бируковой

I

Тропическая роскошь. — Древесные сокожища. — Горы охотникам! — Гаитянский ландшафт. — Что за люди на Гаити. — Независимая женщина. — Политический вулкан. — Поклонники свободы.

События, разразившиеся в начале декабря истекшего года на Гаити, привлекли внимание всего мира к этой своеобразной стране чернокожих. Вероятно большинство наших читателей имеют лишь самое смутное представление о Гаити. А между тем остров и его обитатели заслуживают большого интереса.¹⁾

Остров Гаити принадлежит к группе Больших Антильских островов и

лежит между Кубой и Порто-Рико. Он круто поднимается из океана. Берега его изрезаны бухтами и по большей части скалисты. Армия рифов ревниво охраняет подступы к острову. С запада на восток тянутся величавые горные цепи. В долинах бушуют джунгли: кокосовые пальмы, бананы, алоэ, манговые деревья. Среди джунглей — кофейные плантации и фруктовые сады, на склонах гор — стройные бамбуковые рощи и голубоватые заросли мимоз. Из потоков зелени порой вырываются белые голые утесы, словно ощеренные клыки чудовищ. На севере тянутся равнины, одетые пышным ковром саванн; кое-где вспухают желтоватые лысые холмы. На юге щедро разбросаны небольшие озера. На востоке местность болотится. В топях гнездится желтая лихорадка — бич острова. Реки Гаити мелководны, в сухое вре-

¹⁾ Аркадаш — товарищ.

²⁾ Бир — один.

³⁾ Ула — подросток.

¹⁾ Как известно, на острове Гаити два государства: собственно Гаити — республика негров, и Сан-Доминго (на востоке) — республика мулатов и кварталов. В данном случае мы коснемся республики Гаити.

мя года пересыхают, подергиваются мелями. Черномазные ребятишки и собаки запросто переходят эти реки вброд.

На Гаити только два времени года: с ноября по май сухое знойное лето, в мае начинается сезон дождей. В августе и сентябре разражаются свирепые грозы и ураганы. Почва Гаити на редкость плодородна. Культуры кофе, какао, сахарного тростника, табаку, ванили и маниоки широко развиты. Колоссальны и лесные богатства. Палисандровое, бакаутовое и черное дерева растут густыми рощами. В горных породах залегают золото, серебро, медь, железо, каменная соль.

Гаити замечателен тем, что на всем острове нельзя встретить ни одного хищного животного. Охотнику здесь не житье. В долинах и по горам бродят огромные стада овец и коз. Рогатый скот издавна ввезен на Гаити европейцами. Пернатая фауна острова многообразна, красочна и голосиста. Тропические насекомые роются пестрыми тучами.

Ландшафты Гаити спокойны. Плавные линии гор, медленные реки, в долинах — пленительная мозаика лесной зелени, по холмам и саваннам — ленивые белые петли дорог.

Каковы же люди на Гаити? — Чернокожие, это всем известно. Но «черная» кожа — понятие растяжимое. На Гаи-

ти существуют все оттенки кожи — от легкой смуглоты до сочного лоска черного дерева. Оттенки кожи, увы! до сих пор имеют значение среди островитян. Светлокожий квартал трижды призадумается, прежде чем женится на черной красавице.

Гаитяне хорошо сложены, крупны, стройны. Осанка их величава. Поступь эластична, движения плавны и свободны. Женщины поражают своей независимостью. Они давно добились равноправия в семейных отношениях. Красиво носят они легкие тюрбаны и яркие коленкорые платья. Нрава гаитяне веселого и внешне покладистого, любят шутки, пляски и песни. Иногда целые поселки пляшут всю ночь напролет при всплесках керосиновых факелов. Поют и работающие на плантациях крестьяне, и одинокий путник на пыльной дороге, и пастух, лениво бредущий за стадом, и работницы на кофейной фабрике за тяжелым трудом.

Но это спокойствие, это веселое добродушие — только внешняя оболочка, за которой таится бурный горя-

II

Колумб на Гаити. — Ввоз черных рабов. — Африканская мозаика. — Псы-людоеды. — Первый бунт. — Революция за океаном. — Смутное время. — Народный герой. — Красносинею знамя и Бонапарт. — Черный Наполеон. — Сто лет республики.

Гаити был открыт Христофором Колумбом в 1492 году и назван Испаньолой. В те времена на острове обитало мирное индейское племя, не оказавшее сопротивления белым завоевателям. Вскоре испанцы хищной волной нахлынули в Гаити, привлеченные богатством тропической природы. Туземцы были впряжены в крепкое ярмо. Трудясь под бешеным солнцем на сахарных плантациях и на рудниках, они быстро вымирали. Требовались рабочие руки. И вот стали ввозить большими партиями негров из Африки. Чернокожие оказались крепче краснокожих. Армия рабов под свист бичей, пинки и ругань надсмотрщиков исправно трудилась на полях, кровь и пот чернокожих превращались в золото и серебро в испанских сундуках. Задавленная жизнерадостность негров находила выход лишь в ночных массовых плясках.

Шли годы. Все новые потоки негров вливались на остров. Рабов привозили и с Золотого Берега, и со Слонового, и с Невольничьего, из Гвинении, Судана и Конго. Представители всевозможных негритянских племен стихийно смешивались на острове, который постепенно превратился в какой-то расовый осколок Африки. Негры приносили с собой свой быт, темные верования старины, а главное кипучую, пропитанную солнцем Африки кровь.

Между тем политическая физиономия острова менялась. В 1630 году флибустьеры — вольница морей — приплыли к Гаити и основали на западном берегу колонию, принятую под протекторат Францией. Постепенно французы завладели всей западной половиной острова.

Но перемена хозяев не принесла неграм облегчения. Французы не уступали в хищности и жадности испанцам.

В XVII веке остров испытывает французское влияние. Негры скоро усваивают легкий и быстрый французский язык.

Разжиревшие плантаторы творили неслыханные зверства. За малейшееслушание негров засекли до полусмерти, за попытку к бегству расстреливали.

Одно время среди французов развивалась страсть к собаководству. Де-

Перевозка кокосовых орехов на острове Гаити.

чий темперамент. И нередко социальные и политические сотрясения выбрасывают наружу кипучую революционную лаву. Да, Гаити — это огромный политический вулкан, и его извержения периодически заливают страну огнем борьбы.

Любовь к свободе — основная страсть гаитян. Она так же ярка и властна, как брызжащее пламенем солнце на небе Гаити.

сятки рабов ухаживали на псарнях за овчарками и гигантскими догами. Плантаторы слащаво умилялись на своих любимцев, ничего для них не жалели, хвастались друг перед другом качествами четвероногих аристократов. Некоторые из этих псов становились своего рода божками, которым приносили... человеческие жертвы.

Провинившегося раба скручивали по рукам и ногам веревками и тащили на псарню. На крыльцо выходил плотоядно улыбающийся плантатор, за ним чернокожая прислуга. Рабам отдавался приказ молчать и не шевелиться. На дворе бушевала свора. Псы были голодны. Их не кормили сутки, чтобы обеспечить эффективное зрение.

Хозяин собственными руками кидал связанного раба в гущу собак. Нечеловеческие вопли. Взрыв хриплого лая. Жертва исчезала в водовороте собачьих тел. Остервенело рвали добычу псы. Летели клочья мяса, клубки курчавых волос, капли крови расплзались по песку...

У слуг-негров лица становились пепельно серыми, глаза округлялись, стиснутые зубы и кулаки дрожали. Зычно хохотал плантатор. Прыгал кадык, багровые щеки, крючковатый нос...

Эти дикие сцены словно каленым железом выжигались в сознании негров. Росло возмущение, глухое и упорное, как рокот приближающейся грозы. В костях, в натруженных мускулах, в крови отлагалась густая крепкая ненависть. Многие все-таки убегали с плантаций в дикие безлюдные горы. Беглецы организовывали отряды, гнездились в джунглях, в пещерах. По ночам нападали на фермы и виллы, вырезали белых, освобождали собратьев.

В 1791 году вспыхнуло по всему острову восстание негров и мулатов. Отряды горных партизан хлынули в долину. К ним примыкали все новые толпы чернокожих. Запылали усадьбы. Множество французов было перебито. В исступлении негры при свете факелов плясали над растерзанными трупами своих угнетателей. Но восстание, как водится, подавили, и кроваво. Рабы опустили голову. Но не надолго.

За океаном загрохотала Великая французская революция. Долетели раскаты революции и до Гаити. Лихорадочно забились сердце негритянских масс. Свобода должна коснуться и их. Конец вековому рабству! Впервые над пальмами и бананами зазвучали волнующие ритмы «Марсельезы».

Белые колонисты тоже ликовали. Отпали ограничительные королевские законы, принуждавшие их продавать все продукты по установленным ценам французской казне. Но плантаторы вовсе не желали лишиться бесплатной рабочей силы. На требования рабов они отвечали издевательствами и побоями. Революционное брожение растекалось по острову.

— Свобода и мщенье! Мы хозяева! — кричали восставшие толпы.

Настали смутные годы. Кровавые схватки, политические интриги, измены, резня, вторжение испанцев и англичан. Три белых нации, чернокожие и мулаты перемешались в истребительной борьбе.

В 1798 году пришло замирение. Правительство директории объявило негров свободными и уравнило в правах чернокожее население Гаити с белым.

В это время выдвинулся негритянский вождь Туссен Лувертьюр.

Он принимал горячее участие в борьбе в эпоху смуты. На некоторое время он примкнул к испанцам и в совершенстве усвоил у них военное искусство.

В одну из бурных зимних ночей в глухой долине от заставил тысячную толпу негров клясться в верности свободе. Кроваво метались факелы в черных руках; блики плясали алыми колибри в расширенных глазах, по блестящим широкоскулым лицам, по лезвиям ножей и на турбанах женщин. Хор затянул древнюю песню свободы, дикую как ураган и пьянящую как вино. Привели громад-

ную черную свинью. Ударом кинжала ее заколола старая негритянка. Один за другим кинулись воины к еще трепещущему труп, жадно пили горячую кровь и клялись посвятить всю свою жизнь борьбе за свободу...

Добившись освобождения негров, Туссен стал во главе правительства юной республики. Он издал новую конституцию и в 1804 году объявил Гаити независимым от Франции. Национальное красносинее знамя взвилось над островом.

Туссен стремился просветить темную массу и, как мог, вел борьбу с суевериями негров, с изуверской сектой колдунов «воду», поклонявшихся гигантской змее. Он объявил ночные массовые пляски негров вне закона. К белым он относился в общем терпимо, охотно перенимал французскую культуру.

Однако Наполеон, в то время первый консул и всемогущий диктатор, не мог примириться с независимостью Гаити. Ускользнула богатейшая колония. А ему были нужны огромные суммы для новых завоевательных войн. И вот на Гаити брошена эскадра с 20 000 ветеранов Рейнской и Египетской кампаний под командой зятя Наполеона Леклерка. Остров снова залился кровью. Отчаянно боролись негритянские войска, отстаивая свою свободу. Туссен умело руководил борьбой.

Наступил сезон дождей. Французов начала косить желтая лихорадка. Умирало до полтора человека в день. Силы французов таяли. Необходимы были решительные меры. Под предлогом мирных переговоров Леклерк заманил Туссена на занятую французами виллу. Чернокожий генерал был вероломно схвачен. Закованного в цепи, его тайком отправили в ближайший порт и отвезли во Францию. Там он вскоре умер.

Масса лишилась вдохновенного вождя. Французы раздавили восстание. Рабство на Гаити восстановлено...

Но на смену Туссену из чернокожей среды вырос новый вождь — Дессалин, дерзкий бунтарь, человек огромных сокрушительных страстей и пылкой фантазии. Он опять поднял восстание. К нему примкнули тысячи беглых рабов. Дружным натиском негритянские войска разбили французов; остатки наполеоновской армии покинули остров.

Началось беспощадное истребление белых. Солдаты Дессалина рыскали по городам и поселкам, выискивая белых беглецов. Роли переменились. Полумертвых от страха французов вытаскивали из-под кроватей, из сундуков, из печных труб, снимали с де-

Туссен негритянин с острова Гаити.

ревьев, выуживали из канав на рисовых полях...

Сердце Дессалина было переполнено застарелой ненавистью, как дурманящим вином. Он любил показывать друзьям рубцы на своих руках и спине — следы побоев, полученных им на плантациях. Этих побоев он не мог забыть всю свою жизнь. Он мечтал разрушить до основания все города, построенные белыми, и создать новую культуру. Из французов он щадил только врачей и ремесленников, пользу которых он понимал.

Однажды к нему привели на расправу очередную партию связанных французов. В числе их был молодой натуралист Декуртиль, мирно путешествовавший по острову. Он был знаком с медициной и мог пригодиться Дессалину. Но в этот день диктатор французов.

— Каждая капля крови белого, — сказал он, — питает древо нашей свободы!

Декуртиль был обречен. Но жена Дессалина Клара Счастливая вступилась за ученого. Она кинулась к ногам мужа.

— Пощади его! Он так молод! И потом ведь он врач. Он будет тебе полезен!

Дессалин уступил. Декуртилю была подарена жизнь. Через несколько лет он вернулся на родину и написал свое известное трехтомное сочинение «Путешествие натуралиста».

Дурман славы отравил впечатлительный мозг Дессалина. Лавры Коринкандца не давали ему покоя. Он возомнил себя черным Наполеоном. В 1804 году, через полгода после коронации Бонапарта, он провозгласил себя императором Гаити—Яковом I. Революционер умер, родился тиран. Помпы, театральная роскошь, дворцы, пиры, парады. Дессалин щеголял в пестром мундире, залитом блеском бриллиантовых созвездий, в шляпе с гигантским плюмажем. Как золотые искры из печной трубы, развевались по ветру народные богатства. Свободолюбивые гаитяне негодовали.

Разорительным фейерверком пронеслись над страной два года царствования Якова I. Накипал заговор. Разразился мятеж. Генералы Дессалина повели войска против него. Веря в свое обаяние, он кинулся на встречу надвигавшейся армии восставших.

— Неужели вы не узнаете меня, вашего императора?..

Ответом было ледяное молчание. Кто-то оторвался от толпы и кинулся с ножом на тирана...

С 1806 года Гаити становится буржуазной республикой. Президент из-

бирается на семь лет. Его права шире прав национального собрания. Это таит соблазн диктатуры. Кроме того право голоса имеют только люди, обладающие каким-нибудь имуществом. Нарождающаяся чернокожая аграрная буржуазия сумела обеспечить себе власть над страной. Еще во времена рабства существовали на острове несколько десятков тысяч «свободных цветных» — негров и мулатов. Они быстро богатели, жадно впитывали французскую куль-

Илежные соломенных шляп на острове Гаити.

туру, и многие из них были рабовладельцами.

Проходит сто лет. Борются партии. Страсти клокочут. Молниеносно сменяются президенты. Как марионетки выскакивают из-за ширм аграрного капитализма чернокожие короли и императоры. Выскочат, покричат, покрасуются и долой. Миллионные крестьянские массы прозябают в темноте и нищете. Их мало затрагивают перемены политических вывесок.

III

Грабеж среди белого дня. — Протекторат навязан. — Американские капиталисты на Гаити. — Рабство воскресло. — Принудительные работы — Восстание 1919 года. — Что они сделали для страны. — Современное положение. — Декабрьские события.

В эпоху мировой войны Америка начала точить зубы на богатства Гаити. Обидно все-таки — такие сокровища пропадают даром. И вот в декабре 1914 года американская эскадра вошла в Порт-о-Пренс, столицу Гаити. Отряд морской пехоты направился в Национальный банк, где хра-

нились государственные средства. Здание оцеплено. Офицеры забрали все наличные банка — 500 000 долларов — и спокойно унесли их на крейсер. Эскадра ушла. Правительство Гаити протестовало против этого беззастенчивого грабежа. Америка молчала.

В 1915 году на Гаити вспыхнула очередная революция. Президент был убит. Поднялась смута. Воспользовавшись этим, американцы великодушно предложили национальному собранию принять Гаити под свой протекторат. Получив отказ, они снова направили к острову эскадру под командой адмирала Капертона. Американские войска заняли Порт-о-Пренс, а вслед за ним и все главные города и порты.

На Гаити — диктатура американцев. Капертон дважды заставлял палату депутатов откладывать выборы

президента. Всех кандидатов американцы отводили. Наконец был назначен день выборов. Здание парламента было оцеплено американской морской пехотой. В коридорах расхаживали, гремя шпагами, офицеры. Под давлением вооруженной силы был избран президентом ставленник Америки Судра Дартигензев.

Долго протестовало национальное собрание против навязываемого американцами протектората. Даже буржуазному правительству была ясна гибельность для Гаити такой опеки. Но Капертон настаивал, угрожал. На острове было объявлено военное положение. Новоизбранный президент распинался, отстаивая интересы американцев. В сентябре был наконец подписан договор между САСШ и правительством Гаити, по которому САСШ принимали республику под свой протекторат. Руководимые «дружескими чувствами» к Гаити, они обещали блюсти в стране порядок и содействовать ее экономическому и коммерческому процветанию.

Американские капиталисты лавиной устремились на Гаити. До сих

пор по существующему закону ни один иностранец не имел права на недвижимую собственность на острове. Теперь же все плотины сорваны. Одна за другой возникали торговые компании: хлопчатобумажная, кофейная, сахарная, фруктовая, железнодорожная. Стали проводить дороги, строить фабрики. Народился на Гаити пролетариат.

Страна стонала, но была бессильна сбросить чужеземное ярмо. Американские чиновники быстро распоясались в новой доходной вотчине. Взятки, насилие, издевательства. В 1917 году американцами введен закон о принудительных работах. Тысячи гаитян сгонялись на постройку дорог. Обращались с ними как с рабами. Кормили впроголодь, почти не платили жалованья. За попытку к побегу — расстреливали.

Накипала в сердцах гаитян люта я ненависть. В 1919 году четверть страны была охвачена восстаниями. Руководил движением некто Перальт, вышедший из среды чернокожей буржуазии. Движение носило узко националистический характер. Американцы расправились с восставшими по-свойски. Шли жестокие бои. По официальным данным было убито 2250 туземцев, на деле же гораздо больше. Огонь восстания был залит кровью чернокожих...

Мы подходим к современности. Что же теперь представляет собой республика чернокожих? Страна попрежнему бедна, несмотря на громадные естественные богатства. Американцы почти ничего не сделали для народного образования. Около 2½ миллионов черного крестьянства коснеют в невежестве, суевериях, бедноте. Американцы покровительствуют пегушным боям, ночным массовым пляскам и другим увеселениям, отвлекающим народ от революционного движения. Страна усиленно «окультуривается». Проведены железные дороги. Правда, поезда обслуживают главным образом заводы, подвозя сырье и увозя товары. Пассажирские составы ходят чуть ли не три раза в неделю. Сеть шоссе по стране. Промышленность (американская!) развивается, выкачивая мощным насосом богатства острова. Борьба с социальными болезнями — желтой лихорадкой, туберкулезом, дезинтерией — почти не ведется. Детская смертность огромна.

Гаити, как мы уже видели, страна резких контрастов. Культурные прибрежные города на манер южно-европейских, авто, электричество, театры, кино, рестораны, кипучая улич-

ная жизнь, элегантная толпа... и совсем близко — глухие долины, первобытные поселки, зыбкие хижины, кучи мусора, поклонение идолам, каторжный труд на плантациях.

Культурный слой на Гаити очень тонок. К услугам чернокожей интеллигенции — прекрасные высшие школы и средние учебные заведения. Значительная часть интеллигенции отравлена буржуазной идеологией, американизирована и стоит за оккупацию. Но есть слой молодежи, захваченный идеями национально-освободительного движения. Эта молодежь идет в народ, призывая массы к новой творческой жизни.

И вот в конце 1929 года на Гаити вспыхнули новые волнения. Начались они со студенческой забастовки в высшей сельскохозяйственной школе — протеста против урезывания американским финансовым комитетом бюджета на народное образование. Стачечное движение быстро раскинулось по всей стране. Телеграф и телефон остановились. Это — стихийный протест трудящихся против ненавистного гнета чужеземного капитала.

На Гаити объявлено военное положение. Опять к острову двинулись крейсера с морской пехотой. Крестьяне поддержали пролетариат. 1500 крестьян, вооруженных дубинами и камнями, вторглись в Порт-о-

Кейс. Морская пехота обстреляла толпу революционеров, залив кровью улицы. Американцы распространили слухи, что оружие доставлено восставшим из Германии. Пошли массовые аресты. 9 декабря американский самолет бомбардировал безоружную толпу. Новые жертвы.

В Жакмеле 2000 туземцев организовали национальную гвардию. Тогда немедленно был брошен крейсер. Плохо вооруженные туземцы принуждены отступить. Забастовка была сорвана штрейкбрехерами и провокаторами.

И на этот раз восстание подавлено.

«На Гаити все спокойно!» — кричат заголовки американских газет. Спокойствие скрученного веревками, избитого до бесчувствия пленника. Хрипов не слышно — рот заткнут тряпкой.

Без сомнения недолго продлится «спокойствие на мятежном острове». Ненависть к поработителям и жажда свободы теперь кипят в сердце каждого трудящегося негра и мулата. Не менее остро ненавидят они и цветных капиталистов, идущих об руку с белыми завоевателями, и свое правительство — ставленников Америки. Рост классового и политического сознания трудящихся неизбежно приведет их к новым политическим боям и победам.

КАК ЧУНГО ЛЕТАЛ НА НЕБО

Рассказ Ал. Смирнова

Рис. худ. П. Староносова

История тунгуса Чунго, кочующего со своими оленями в верхнем течении Лены, напоминает историю лжеца Нам-Бока из рассказа Джэка Лондона. Разница лишь в том, что Чунго был похищен не морем, а железной птицей, и его не отослали обратно, как это случилось с Нам-Бокком. Чунго благополучно вернулся из своего чудесного путешествия.

Чунго словоохотлив. Он рассказывает свою историю всем, желающим ее слушать. Рассказывает очень картинно, но я плохо владею тунгусским языком, а потому мне не под силу дословно перевести его рассказ. Я передаю его своими словами.

Это было в прошлом году, в тот самый день, в ночь за которым зацветает чудесный цветок хирин-чука¹⁾. Чунго пошел в лес искать оленей. Ему надо было съездить за шаманом, потому что Чукочку немилостиво

сердно трясли злые духи. Чукочка — это жена Чунго.

Шагая по тайге, Чунго вышел на берег реки, и тут его слух встревожил странный тягучий звук. Сначала этот звук был похож на жужжанье таежных оводов, но скоро он усилился так, что его не могли бы произвести и тысячи этих насекомых. Чунго остановился и стал прислушиваться. Посмотрев вверх, он увидел в ясном небе какую-то птицу, но это была очень странная птица: во-первых, она была слишком велика, а во-вторых, именно от нее исходил этот непонятный звук. Правда, когда летит утка, она тоже производит шум крыльями, но разве его можно было сравнить с шумом чудной исполинской птицы! Это был чудовищный рев, от которого становилось больно в ушах. Что же это такое? Чунго никогда не слышал, чтобы в тайге водились такие огромные птицы.

¹⁾ Папоротника.

А рев все сильнее и загадочная птица ближе. Вот она делает круг над лесом и быстро идет книзу. Чунго охватил страх. Может быть эта птица хочет схватить его, как ястреб хватает маленькую птичку? Не пом-

Тунгус бросился бежать, но на опушке за что-то зацепился и упал.

ня себя, тунгус бросился бежать, но на опушке за что-то зацепился и упал. Чунго тотчас решил, что его толкнула крылом страшная птица, и не сделал даже попытки подняться на ноги. Разве убежишь от такого чудища? Только бы поскорей приходил конец!..

Лежит на земле Чунго, закрыв руками голову, и ждет удара чудовищным клювом, — а удара все нет. Не слышно и страшного клекотания, с которым птица опускалась на землю. Не доверяя подозрительной тишине, тунгус полежал еще некоторое время, а потом осторожно поднялся на ноги. «Улетела», — решил он, но взглянув на реку, опять почувствовал слабость в ногах: загадочная птица преспокойно плавала около берега, а на берегу сидели два человека и не менее спокойно покуривали трубки...

В этом месте слушатели обычно прерывают рассказчика. Они задают Чунго те же самые вопросы, которые в свое время задавались лжецу Намбоку:

— Эти люди были такие же странные, как и эта птица?

— Нет, они были такие же, как и мы. Это были люче, — отвечает Чунго удивленным слушателям.

— А роста они были тоже такого, как и мы?

— И роста такого же.

— И трубки, и табак как у всех? Может быть от ихнего табаку в голове ум ачин?¹⁾

— Не думаю, чтобы от этого табака был ум ачин. Хороший табак. Я курил его...

Да, Чунго курил табак сидевших на берегу людей, но как он оказался в их обществе, этого он хорошо не помнит... Во всяком случае инициатива знакомства исходила не с его стороны. Кажется людям, прилетевшим на железной птице, нужно было что-то в ней исправить, и они попросту приволокли к ней тунгуса, заставив его держать какую-то железную палку. Сами они, по словам Чунго, все время колотили птицу железными молотками, — вероятно для того, чтобы она лучше слушалась...

Это занятие продолжалось довольно долго, и Чунго успел выкурить у люче несколько трубок, рассказав им при этом про больную Чукоччу. Под конец же так осмелел, что не побоялся вместе с люче сесть на железную птицу. В этой храбрости возможно повинно было и содержимое той самой баночки, которая была поднесена Чунго за его помощь. Но как бы то ни было, а когда железная птица поднялась в воздух, Чунго находился в ее брюхе. Вместе с люче полетел он в небо...

— Диво, диво, — качает головой тунгус в этом месте своего рассказа. — Лес казался мне с высоты маленькой травкой, а река не шире тонкого ремешка. Я ждал, что вот-вот умру... Моя душа просилась наружу, а люче только смеялись... Птица ревела так, как не могут реветь все амиканы, если их собрать вместе...

— А облако ты видел? — слышит жадный вопрос. — Руками трогал?

— Ого, сколько! Все руками трогал. Но мы летели еще выше, дальше облаков...

— Прямо на небо?

— Прямо-прямо на небо... Чуть только пониже солнца...

Как долго продолжался этот полет и сколько времени пробыл Чунго на небе, этого он не знает, — у тунгуса до сих пор голова идет кругом при этом воспоминании. Чумы на небе все из камня и дерева, и такие огромные, что в них без труда могут жить халли²⁾, а людей в этих чумах больше, нежели в тайге деревьев. Много людей, и все эти люди несомненно большие колдуны, потому что они умеют делать такие чу-

деса, каких не сделать даже самому сильному шаману. Чунго видел этих чудес достаточно, но больше всего его воображение поразили три вещи: железное чудовище, изрыгающее из единственной ноздри огонь и дым и бегающим по двум прямым бесконечным полоскам с быстротой ветра; потом маленькая трубка, в которой сидит «говорящий дух» и, наконец, птица — не та железная птица, на которой он летел, а настоящая живая птица с перьями и большим хвостом. О, это удивительная птица! Она своим криком по ночам прогоняет от человека злого шайтана! Если бы у Чунго была при себе шкурка соболя, он обязательно выменял бы ее на эту птицу. Люче называют эту редкостную птицу петухом.

Возвращаясь с неба на землю, — опять на той же железной птице, — Чунго чувствовал себя уже более уверенно, душа его не так настойчиво просилась наружу. Но тунгус очень опасался, как бы птица не сбилась с дороги. Этого однако не случилось, — Чунго был доставлен на старое место.

Тут опять вопросы слушателей:

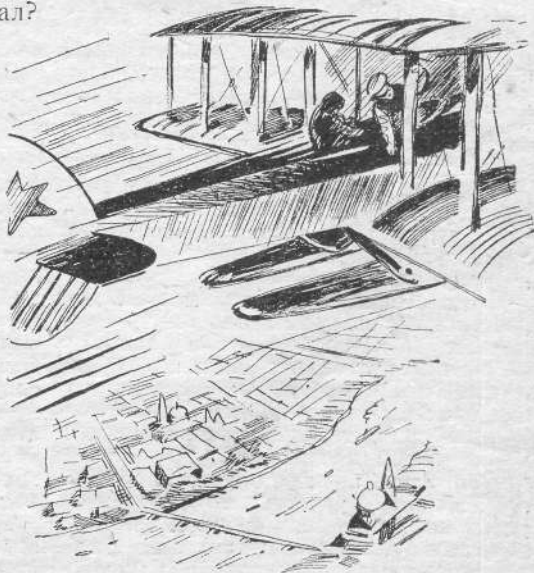
— Утром или вечером ты вернулся обратно?

— Однако, скорей утром — солнце еще не дошло до половины неба, — воображает Чунго.

— Так, улетел ты вечером, а прилетел утром, и в эту самую ночь цветет цветок хирин-чука. Верно?

— Верно, в эту самую ночь цветет хирин-чука.

— Так может быть ты заснул и видел все это во сне? Разве не слышал, какие вещи случаются в эту ночь?

Когда железная птица поднялась в воздух, Чунго находился в ее брюхе.

¹⁾ Отсутствие ума, затмение рассудка.

²⁾ Мамонты.

— Слышал, байе, слышал, — затягивается из трубки Чунго. — Когда зацветает хирин-чука, с человеком случается много удивительного. Но откуда вот это? — Чунго лезет в кожаную сумку и достает несколько бумажек из под порошков хинина. — Это дали мне лuche на небе и велели, чтобы муку, которая была в них, я дал Чукочче. Я дал, она с'ела, и злые духи теперь ее больше не трясут...

Присутствующие берут бумажки, рассматривают на свет, лижут языком и в недоумении пожимают плечами.

— Диво, диво... То, что ты рассказывал, похоже на сон, а только никогда еще не было, чтобы во сне человек получал вещь, которую можно держать в руках и которая не исчезает, когда он просыпается...

Чунго тоже пожимает плечами, ибо и он не знает, как объяснить все это. Может быть в самом деле он видел все это во сне? Эти бумажки? Но их мог дать ему тот дух, который сидит в чудесном цветке хирин-чука.

— Ну, а как—хорошо жить на небе? слышится новый вопрос.

— Хорошо однако, — улыбается Чунго. — Деревянный чум—это хорошо, много пищи—это тоже хорошо, но есть и плохо маленько...

— Что же там плохого?

— Орон¹⁾ там нет, тайга нет, костер жечь негде, а шум всегда такой, какого у нас не бывает в самую сильную бурю. Разве это хорошо?

— Верно, байе, это совсем плохо, — качают все головами. — Как можно без орон и костра! Как можно всегда слышать шум, от которого трещит голова. Совсем, совсем худо... Хорошо однако, что ты вернулся, там ты пропал бы...

— Пропал бы,—соглашается Чунго и на этом заканчивает рассказ о чудесном путешествии.

В заключение мне остается лишь догадывать, что железная птица, на которой летал Чунго, называется иначе самолетом, а небо, где гостил тунгус, носит название города Иркутска...

¹⁾ Олень.

== ОСТРОВ ДОЛГОЛЕТИЯ ==

Роща призрака. — Схватка гигантов. — Древесные мафусаилы. — Остров тесен. — Солнце Майорки в туманах Лондона. — Вторая жизнь. — Крепкая старость. — Маяк Драгонера. — Трудовые отшельники. — Драконы Майорки. — Тучи в плenu.

В западной части Средиземного моря расположена группа Балеарских островов, принадлежащих Испании. Самый крупный из них — Майорка. Остров горист. Берега его причудливо изрезаны и порой круто срываются в море. По своей форме он напоминает коренной зуб.

На северном побережье Майорки, высоко над морем, на бурых уступах скал разбросана роща самых причудливых в мире деревьев. Их с трудом можно назвать деревьями — настолько искривлены, перекручены, расплющены и вздуты их вековые стволы. Издали они кажутся чудовищными наростами, черными опухольями на спине скал. Это старые-престарые маслины, исковерканные ветрами, постоянно бичующими Майорку. Живая дикийвинная скульптура природы.

Когда стоишь среди толпы этих деревьев-призраков, невольно жуть заползает в сердце. Кругом застыли скорченные узловатые гиганты. И кажется, на миг стали реальностью бредовые видения Данте, кровавые мифы Эллады, черные сказания средних веков, ужасы инквизиции...

Руки, лапы, щупальцы то вскинуги к небу в немой угрозе, то судорожно уцепились за камни. Раздутые водяной, вытннутые, изорванные тела схвачены предсмертной судорогой. Словно окаменевшее войско титанов, словно изуродованные трупы восставших рабов. Вот исполинский осьминог уста-

вился на море наростами глаз. Вот очерил пасть первобытный дракон. Олень в смертной муке вздернул рога, тую голову, весь перевитый тугими кольцами змей. Кентавры, химеры, злоевающие птицы, горбуны, циклопы, демоны. Как будто собраны здесь все суеверия, которыми пугало себя человечество долгие века...

Серебристая легкая вырезная листва почти не видна на деревьях. Она слилась с придымленной голубизной неба. Глубоко вгрызлись в землю корявые корни чудовищ. С незапамятных времен стоят они здесь, и древесина их не уступает в твердости камням, за которые цепляются мощные корни. День и ночь рокочет и свистит ветер в оливковой роще; глухо ухает прибой внизу под скалами. И кажется: это хрипы, стоны, проклятия сраженных исполинов.

Невозможно точно определить возраст этих деревьев. Один старый крестьянин, наблюдавший их в течение добрых восьмидесяти лет, уверяет, что они почти не изменились за это время.

— Разве что стволы стали этак на ладонь потолще, — говорит он, — да древесина стала малость тверже, да трещины в коре еще шире расплзлись. Вот и все.

Трудно себе представить, сколько веков понадобилось, чтобы могли создаться эти древесные мафусаилы. Некоторые из них имеют до четырех метров в диаметре. Ученые предполагают, что им не менее двух тысяч лет.

Нити странного сродства протянулись от фантастических маслин к обитателям острова. Климат Майорки необыкновенно здоровый. Жители почти не знают болезней и отличаются долголетием. Население быстро растет, остров становится тесен. Появился избыток рабочих рук. Земля бешено вздорожала. Разбогатевшие крестьяне, скупившие земли бедняков, нещадно эксплуатируют сельскохозяйственных рабочих, заставляя их работать за один хлеб. Поэтому батраки принуждены искать заработка на чужбине. Каждый год сотни молодых крестьян покидают остров.

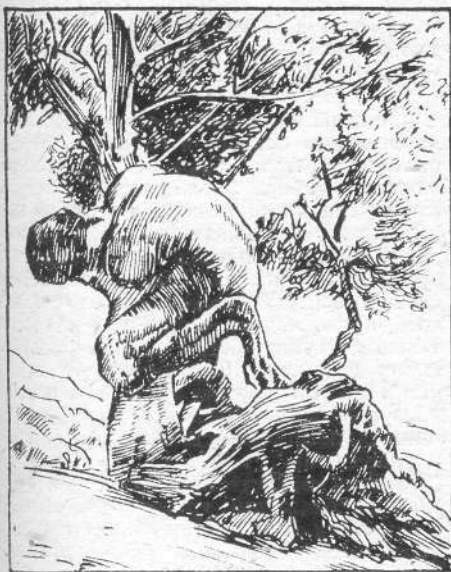
Во Франции, Англии и Германии зачастую можно встретить уроженцев Майорки. Смуглые, коренастые, с глазами чернее маслин, они продают на улицах туманного Лондона, Кеннингберга и Парижа яркие золотистые плоды. Апельсины, сочной грудкой лежащие на их лотке, словно пронизаны солнцем далекой родины. Разносчики питаются впроголодь и ночуют в сырых подвалах, на связках соломы, рядом с оранжевыми пирамидами плодов.

Проведя лет тридцать в тяжелом труде и сколотив кое-какие деньжонки, уроженец Майорки возвращается на родной остров. Тут только и начинается настоящая жизнь: прошлое не в счет, безрадостные и сырые годы не с'ели здоровья и сил — крепка закалка островитянина. Она женится, обзаводится крохотным клочком земли, строит себе домик и начинает разводить маслины.

Мирно проползают годы в привычном труде среди маслин и скал. Крестьяне Майорки нередко доживают до девяноста и более лет. Постепенно кожа чернеет, ссыхается, горбится тело и становится похожим на вековой ствол маслины. Но глаза попрежнему ясно и молодо смеются из-под мшистых бровей.

Одна из примечательностей острова — маяк Драгонера, растущий словно каменный гриб на пустынном утесе на западной оконечности Майорки, в нескольких километрах от рыбацкого поселка Андранкс. Скалисты берега, зубцы подводных скал прорезают воды, бьются прибой, нередко срываются с цепи штормы. На десятки километров разбрасывает снопы света Драгонерский маяк.

На каменной башне живут два маячника. Они отрезаны от всего мира и проводят годы в добровольном изгнании, сменяя друг друга в дежурствах. Это два крепких старых испанца с медноокрасными лужеными лицами и непотухающей трубкой в желтых зубах. Они почти не получили образования, молодость проработали матросами, но за долгие годы маячной жизни проглотили груды книг, изучили астрономию и метеорологию. Сочетая приметы моряков и данные науки, они задолго предугадывают шторм. Около ста километров морского берега находится под их наблюдением, и не один десяток судов спасен ими от гибели. Они живут словно вне жизни — на одиноком маяке, среди скал. Где-то вдали шумят события, кипит горнило истории, и лишь редко долетают застарелые по-

Чудовищные маслины на острове Майорке.

литические новости до этих трудовых отшельников...

Ученые связывают название Драгона с очень редкой разновидностью ящеров, населяющих скалы Майорки. Местные крестьяне называют их «драгона». Это маленькие дракончики до полуметра длиной, причудливой раскраски и угрожающего вида. Ни в одном зоопарке Европы нет живого экземпляра «драгона». Жизнь этих ящеров тесно связана с родным островом, и, выведенные оттуда, они быстро погибают.

И деревья, и животные, и люди, и вся природа острова пронизаны своеобраз-

ным. Неопнсуема красота майорских пейзажей: фиолетовые дали, нежная накипь облаков, бирюзовые зубцы заливов, резкие арабески горных крижей. Иные бухты напоминают затканый серебром небрежно раскрытый веер Испании. На плато и в долинах — россыпи апельсиновых рощ.

Иногда с материка наплывают стаи лохматых грозных туч и происходят любопытные метеорологические явления. Загнанные упорным ветром вглубь острова, неуклюжие тучи не могут выбраться оттуда из-за стены гор. Постепенно накапливаясь, спускаясь в долины,

громоздясь друг на друга, клубясь и бунтуя, они раздражаются свирепыми грозами. Несколько дней беснется стихия, остров принимает сотни тонн воды и щедрые посевы молний. Не смолкая, грохочет гром.

Нашествия гроз происходят пять-шесть раз в году. В остальное время над Майоркой ясное небо, тишина и ласковый зной. Эти тропические ливни создают сказочное плодородие острова: почва густо напитана водой, сотни ручейков бегут по плато и долинам, орошая поля и рощи.

Е. Б.

== ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗООПАРК ==

Очерк Бенгта Берга

Дикие бараны. — Свобода и голод. — Мокрая с'емка. — Загадочный незнакомец. — Гнев гаг. — Деревянная красавица и пылкий поклонник. — Теплая компания. — Идиллия над морем. — Паразит изничтожен.

В Балтийском море близ берегов Готланд (Швеция) лежит группа небольших гористых островов. Если смотреть на них с берега, они кажутся голубыми изломанными раковинами, разбросанными по серому мрамору вод. Острова эти безлюдны, но богаты животным населением.

Особенно интересен Большой остров. Не так давно крестьяне Готланда держали там стада баранов. Животные бродили лето и зиму на свободе, почти не видели человека и быстро одичали. Когда выдавалась суровая зима, крестьяне отправлялись на парусных лодках на остров и привозили полудиким баранам сено.

Но вот пришла неслыханно злая зима. Ледяные ветры взбудоражили море, и до острова нельзя было добраться на лодках. Бараны голодали, так как не в силах были достать траву из-под покрывшей ее ледяной корки. Потом ударили лютые морозы и сковали море крепким панцирем льда. Несколько смелых крестьян решили притти на помощь голодающим животным. Нагрянув сани сеном, они двинулись по льду к синевшему на горизонте острову. Они задумали заманить голодных баранов на материк.

Благополучно миновав предательские полыньи и торосы, они добрались до острова и стали рассыпать на берегу вороха сена. Бараны сбегались к берегу и накинулись на еду.

Между тем стало смеркаться, пора было возвращаться домой. Медленно тронулись сани по льду по направлению к Готланду. Время от времени крестьяне сбрасывали на лед, охавки сена. Бараны всем стадом двигались за ними, подбирая сено. Радостное блеяние плыло за саними.

Начали вырисовываться береговые скалы Готланда, замигали огни поселков. Крестьяне радовались, считая стадо спасенным. Свинцовые сумерки спустились в синюю ночь. Сани летели все быстрее, прыгая по ухабам. Блеющий живой поток баранов катился за ними.

Но вот в полукилометре от берега бараны остановились. Затормозили и сани. Новый ворох сена упал на снег. Сани тронулись шагом. Обернувшись, люди увидели, что бараны стоят сомкнутым строем, подняв голову и тревожно осматриваясь по сторонам «Где мы?» — словно спрашивали они друг друга. Старые грузно топтались на месте, молодые ошалело металась из стороны в сторону.

Потом взвилось огулашительное блеяние, словно сигнал к отступлению, и все стадо, повернувшись, устремилось в черноту ночи, к родному острову. В баранах видимо пробудился инстинкт их диких предков, заставивший их предпочесть голодную и мерзлую свободу сытой и теплой неволе...

Эту правдивую историю рассказал мне старик-крестьянин из Готланда.

* *

Мы пристали к пустынному берегу Большого острова. Гребец остался в лодке. Забрав мешок с кинокамерой и чучелом гаги, я двинулся на свою «охоту». От самого берега круто поднимались выветрившиеся ржавые скалы. Я пробирался между утесами, когда вдруг увидел тюленя, взобравшегося на плоский выступ скалы. Это был старый самец, великолепный экземпляр, настоящий бык. Тупой затылок собирался в жирные складки, когда зверь поворачивал голову. Пегая шкура сочно лоснилась на солнце.

Я спрятался за большим камнем, привел камеру в боевую готовность, задвинул визир, чтобы солнце, отражаясь в нем, не било в глаза тюленю, перекинул аппарат на ремне через плечо и начал ползком пробираться между камнями, направляясь к воде. Тюлень не замечал меня. Но он видимо был чем-то недоволен, вероятно каменное ложе было для него недостаточно гладким: его беспокоили бугорки на скале, впивавшиеся ему в тело. Он то-и-дело поворачивался из

стороны в сторону, поеживался и забавно складывал вместе задние лапы, как человек, сжимающий в волнении руки.

Я дополз до самого моря. Камера работала, ловя каждое движение тюленя. Хорошо бы еще поближе подблизиться к нему. Недолго думая, я сунулся в воду и пополз на коленях по мелкому дну, держа камеру над головой и наставив ее на тюленя. Моя самоотверженность была щедро награждена. Я получил на близком расстоянии великолепный снимок морского зверя...

* *

Я давно страстно мечтал заснять гордых вольных гаг. Остров был густо ими населен. Закончив с'емку тюленя и обсушившись, я достал из мешка искусно сделанное чучело гагисамца и, придав ему естественную позу, посадил его на берег, а сам спрятавшись за камень.

Не прошло и получаса, как к берегу подплыла стройная самка-гага. Ее белоснежное оперение сверкало на солнце. Заметив чучело и приняв его за красивого кавалера, она весело загготала, словно сообщая ему какую-то приятную новость. Но тот не шевельнулся. Возмутительное равнодушие! Гага вышла на берег и обиженно и слегка кокетливо стала чистить свои перышки. Через несколько минут появился крупный самец, за ним еще четыре. Вся компания окружила загадочного незнакомца.

Некоторое время гаги с любопытством рассматривали пришельца, подходили к нему, заглядывали в стеклянные глаза, раздумчиво вертели головой. Потом, убедившись, что он не принадлежит к гражданам острова, подняли резкий негодующий крик. Что такое? Пришла гага на их кровном берегу! Какая дерзость! Один за другим с криком «а-о!» самцы стали насккивать на равнодушное чучело, нанося ему удары клювом. Пришлец

молчал и не пытался обороняться. Это еще более раззадорило гаг. Скопом ринулись они на чучело. Фонтаном полетели серые перья. Через несколько минут от чучела остался один каркас. Но гагам стало как-то не по себе при виде этих останков. С испуганными криками они взвились и улетели в море.

Маневр мой не удался. Эффект получился совсем неожиданный. Было жалко чучела и потерянного времени. Я грустно направился к ожидавшей меня лодке.

* *

Через два дня, раздобыв новое чучело гаги, на этот раз самки, я опять двинулся на остров. Долго выбирал я подходящее место, наконец уместил чучело на берегу между камнями в самой спокойной отдыхающей позе. Неподдалеку пестрой кучкой лежали яйца гаги. Спрятавшись, я стал выжидать.

Вскоре появилась гага-самка. Покопившись на незнакомку, она направилась к яйцам и уселась на них. Через несколько минут резкий крик возвестил о приближении самца. Это не был супруг гаги-наседки, а повидимому молодой, еще не нашедший себе супругу самец.

Таинственная незнакомка произвела на него сильное впечатление. Он опустился на камни возле нее и начал свои ухаживанья. Забавно охаживался, натопорщив перья, надуваясь серым шаром. Его не смущала неподвижность красавицы. Распотыряв крылья, он распластался на земле, сверля ее восхищенными глазами. Я был вознагражден за терпеливость.

— А-о, а-о! — вырывался у него временами радостный крик.

Другие гаги издали услышали его пылкие объяснения и приплыли к берегу со своими подругами. Через полчаса берег кишел гагами. Птицы бегали, кричали, суетились. Потом словно по команде все успокоилось: гаги разлег-

лись парочками на земле. Я не замедлил заснять всю эту теплую компанию.

* *

Однажды во время своего пребывания на Большом острове я наблюдал любопытную картинку. Пара рослых, толсто-клювых тупиков, повидимому самец и самка, сидели рядышком на скале над искристым спокойным морем. Я наблюдал за ними, затаившись в расщелине скалы. Вдруг одна из птиц стала как-то странно вертеть головой, как это делает сова, когда почует что-нибудь подозрительное. Тупик остро вглядывался в спину товарища. Внезапно я понял в чем дело: он заметил на перьях соседа ползущее насекомое, вероятно вошь. Каждая разновидность птиц имеет своих паразитов.

Хозяин паразита не видел его и продолжал блаженно греться на солнце. Зато сосед был чрезвычайно заинтересован своим открытием. Он вытягивал шею, наклонялся к товарищу, следя за движущейся светлой точкой на его черном оперении, потом откидывался назад словно в испуге. Птица напоминала мне художника, который в творческом порыве то подбегает к почти законченному полотну, то отскакивает от него, чтобы любоваться на расстоянии.

Наконец товарищ заметил его странные движения и повернул к нему голову. Птицы уставились друг на друга, раскрыв несуразные коралловые клювы, как две кумушки, ошеломленные скандальной базарной новостью.

Я глотал хохот, давился и продолжал накручивать ручку.

Но вот перемена картины. Тупик потерял из вида паразита. Забеспокоился. Вытянул шею и стал водить клювом по черным перышкам приятеля, разыскивая вошь. Вот она! Он торжествующе загготал. Меткий удар клюва, как молнией сразил паразита.

Успокоившись, птицы снова нежно прижались друг к другу.

С'емка продолжалась.

Е. Б.

Ответственный редактор Н. М. Яковлев.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

ЕЩЕ МОЖНО ПОДПИСАТЬСЯ НА 1930 ГОД

НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВ. И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

ДАЕТ СВОИМ
ПОДПИСЧИКАМ

24
КНИГИ
СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ

В. Г. КОРОЛЕНКО

6 книг „Биб-ки Советских Писателей“

6 книг Б. КЕЛЛЕРМАНА

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

I АБОНЕМЕНТ. 12 книг «30 ДНЕЙ», 6 кн. «Биб-ки Совет. Писат.», и 6 кн. Б. Келлермана: на год — 10 р., на 6 мес. — 5 р. 25 к., на 3 м. — 2 р. 75 к., на 1 м. — 1 р.

При подписке на год допускается рассрочка платежа: при подписке — 3 р., к 1-му апреля — 2 р. 50 к., к 1-му июля — 2 р. 50 к., к 1-му октября — 2 руб.

II АБОНЕМЕНТ. Все указанное в первом абонементе и 24 книги собр. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО: на год — 15 р., на 6 мес. — 8 р., на 3 мес. — 4 р. 25 к., на 1 мес. — 1 р. 50 к.

При подписке на год допускается рассрочка платежа: при подписке — 4 р. 50 к., к 1-му апреля — 4 р., к 1-му июля — 3 р. 50 к., к 1-му октября — 3 руб.

Подписку и деньги направлять: МОСКВА, Никольская, 10/2, Изд-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“.

НОТЫ

ЛЮБЫЕ НЕМЕДЛЕННО
ВЫСЫЛАЕМ налож. плат.
КАТАЛОГИ БЕСПЛАТНО.

УЧИТЕСЬ ИГРАТЬ

САМИ НА МАНДОЛИНЕ
по новейшему общеполученному САМОУЧИТЕЛЮ по нотной-цифровой системе. Составил Шварц. Цена 1 р. 48 к. с перес.
НА ГАРМОНИКЕ по лучшему САМОУЧИТЕЛЮ для ренской двухрядной гармонике по нотной-цифровой системе. Составил Васильев-Бугала. Ц. 2 р. 07 к. с перес.
Высылаем наложенным платежом, пересылка за счет заказчика. При заказе до пяти рублей—без заплата, а свыше пяти рублей—при залатке в 25% суммы заказа.

Торговый отдел: МОСКВА, Центр. Театральный проезд, 7/В, МУЗТОРГ ПТО МОНО.

ПОРТРЕТ

художественно-увеличенный с любой фотографии, картонный размер с паспорту 27х34 см. 30х40—60 коп., 44х53—100 коп., 61х86—14 р., 70х80—20 р. Тон кожи (коричневый) на 20% дороже, в красках на 50% дороже. Заказы исполняются быстро и аккуратно и высылаются наложенным платежом. Карточка возвращается. Москва 15, ул. Милкина, д. 46/М, фото-худ. ателье А. Юдковского.

ДЕШЕВАЯ КНИГА. ПОЛЕЗНАЯ КНИГА

КНИГИ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ

Охотник-исследователь — 50 к. Как прибыльное вести дело—50 к. Производство серной и соляной кислот—50 к. Способы пайки, сварки и припайки—50 к. Как устранить сырость и холод в домах—75 к. Разведение птиц—75 к. Разведение свиней, солонки, копчение и пригот. колбас — 50 к. Выпадение волос, предупреждение и лечение—50 к. Пожарная тактика в вопросах и ответах—50 к. Самоучит. шитья и починки обуви—75 к. Производство лаков и олиф—50 к. Кролики и их разведение—40 к. Как постр. крест. дом—50 к. Самоучит. кройки мужского платья—1 р. 80 к. Как изготовить фейерверки—50 к. Как окрасивать ткани и пряжу—1 р. 50 к. Как паять и лудить—50 к. Золочение, серебрение и бронзиров. по дереву—2 р. Альбом рисунков и чертежей мебели. Около 500 деталей. Сост. Думицкий и Муссулюс—5 р. (с пересылкой). Столярное ремесло—80 к. Мебельное дело—3 р. 50 к. Столярн. инструм. материалы и приемы работ—1 р. 75 к. Кройки. Выпильные и высверливающие—1 р. 50 к. Как изготовить клеенку и непромокаемые ткани—1 р. 40 к. Как печь хлеб и булочки—50 к. Болгарное и колесное производство—50 к. Самоучит. бухгалтерии 2 книги—1 р. 50 к. Механические печи—50 к. Производ. дрожжей—50 к. Компактные печки—1 р. Как делать букеты, венки, гирлянды и т. д.—1 р. Починка галаш и др. предметов из резины—40 к. Плетение сетей—60 к. Спутник рыболова—30 к. Работы из льна—маше—40 к. Набивка чучел—60 к. Чертежник-иллюстратор—1 р. Черчение, проекция, и топографическое—75 к. Пригот. меда, браги, бузы, кваса и др. напитков—75 к. Пригот. вафель—40 к. Полное руководство кулинарного искусства. Сост. Игнатова-Александрова. 500 стр. Вместо 3 р. 75 к.—2 р. 50 к. Мюллер. Моя система для женщин—90 к. Гигиенич. советы—75 к. Нарощение мыщц гимнастикой—30 к. Французская борьба—30 к. Защита и нападение. Руковод. по борьбе, боксу, фехтованию и стрельбе—1 р. 75 к. Полный справочник по физкультуре. Все виды спорта—3 р. 50 к. Теория велосипеда—75 к. Как сделать несгораемую кровлю—50 к. Как сделать ветродвигатель для мельниц, водоката, станков и электростанций—1 р. 50 к. Как самому раскрасить фотокартон—50 к. Фоторентгенография и фотоспектроскопия. Около 600 рецептов с указанием способов изготовления фотобумаги на дому—1 р. 50 к. Полная общедоступная астрономия или наука о небесных телах—2 р. Курс рисования по сетке—75 к. Таблицы превращения для топографической съемки—1 р. 35 к. Учебник грима и декорации в деревн. театре—50 к. Развед. пушек вперед в неволе—75 к. Бобринский. Определ. охотнич. и промысл. зверей—1 р. 50 к. Болезни собак—2 р. Общедоступный ПОЛИТЕХНИКАР—75 к. Изгот. корзиночных изделий и плетеной мебели—1 р. Производ. роговых и костяных изделий и протравы для рогов и костей—60 к. Оганнзизм, причины, явления болезни, предупрежд. меры, лечение—2 р. Блюменгау. Как предохранить себя от берем, не прибегая к аборту—1 р. 20 к.
Высылаем наложенным платежом. Книжный магазин А. С. СТЕПАНОВА, Ленинград, 28, пр. Володарского, 31/В.

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК ВСЕМ ИЗУЧИВШИМ РЕМЕСЛА
по САМОУЧИТЕЛЮ Е. Федорова. Плотничные, столярные, токарные, корзиночные, бочарные, картонажные, переплетные, проволочные, кузнечные, слесарные; паяние лужение, никелирование; заделка овчин, мыла, шток, кистей, веревки, крахмала. Зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные и штукатурные работы. Со 148 рис. Ц. с перес. 3 р. 40 к. Книжный склад „КНИГОСБЫТ“ М. А. Ивасенко и К° Москва «9».

художественно УВЕЛИЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

прекрасно отделанный тушью КАЖДЫЙ может иметь, прислав любую фото-карточку.

Размеры с роскошным паспорту „РОКОКО“ ЦЕНА: 30х40 см.—5 р., 31х44—7 р., 45х65—10 р., 55х70—13 р., 70х80—20 р. Тон сепии (коричн.) на 10% дороже, красками на 50% дороже. АГЕНТАМ и ФОТОГРАФ. СКИДКА. Зак. выполн. быстро и аккуратно без заплата вал. плат. Карточки возвращаются в сохранности. Москва, Смоленская, 6/В. Фотогр. Ф. М. ТАБАКОВ. Заказы направлять Москва, почтовый ящик 1029/В.

МОЖЕТ ЛЕГКО И БЫСТРО КАЖДЫЙ ИЗУЧИТЬ

СТЕНОГРАФИЮ

по руковод. Н. СОКОЛОВА. Доп. Гос. Учен. Советом. 2-е издание, с 63 упражн., приложен. словаря. Высыл. налож. плат. за 2 р. 75 к. Москва, Мохомая, 22/В., „Книга—почтой“. „САМООБРАЗОВАНИЕ“

ЛУЧШЕЕ ЧТЕНИЕ
по ДЕШЕВЛЕЙШЕЙ ЦЕНЕ!
полный комплект иллюстрированного журнала приключений „Вокруг Света“ за 1929 г.—24 №№—и комплект иллюстрированного журнала туризма и путешествий—„ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ“ за 1929 г.—11 №№—за 2 р. 50 к.

Количество полных комплектов ограничено.

Цена комплектов отдельно: „Вокруг Света“—24 №№—1 руб. 60 коп., „Всемирный Турист“—11 №№—1 руб. 10 коп.

Высылка заказной бандеролью за счет Издательства.

Заказы выполняются только по получении стоимости (можно почтовыми марками).

Издательство „Земля и Фабрика“, Москва, Никольская, 10/2.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

изучайте по САМОУЧИТЕЛЮ Б. ШМЕЛЕВА, в 10 вып., сост. по методу Мертнера и треб. заучив. слов и правил. Доп. Гос. Учен. Совет. Ч. 1—ц. 2 р. 85 к. и ч. 2 (для продолжающих)—ц. 2 р. 85 к.
новинка изд. 1929 г.

Самоучитель игры на скрипке

под ред. проф. Р. Валешки. Общедоступн. практич. руководство с приложен. упражнен. и начальн. пьес. Ц. с перес. 3 р. 25 к.

ШКОЛА ОРАТОРА

В. К. СЕРЕЖНИКОВ. Полный курс ораторского искусства. Пособие для ораторов, лекторов, чтецов, кружков, школ, преподав., актеров. 1-я. Техника РЕЧИ И Ч. МУЗЫКА СЛОВА
ШКОЛА ОРАТОРА
Ц. за 3 ч. в 2-х томах спец.—4 р. 25 к.

Все цены указ. о пересылкой. Заказы и деньги направлять: Кооп. Т-во „СОВРЕМЕННОСТЬ“ Москва, ул. Греческая, 31/12.

БОЛЕЗНИ СЕРДЦА И СОСУДОВ

что должны знать сердечные больные и АРТЕРИОСКЛЕРОТИКИ с приложением брошюры как жить, чтобы иметь здоровое СЕРДЦЕ

цена 1 р. 75 к. с пересылкой
ОНИАНИЗМ И БОРЬБА С НИМ
Полов. отклонения и пол. воспитание. Ц. 1 р. 25 к. с пер. Выс. автор—Тифлис, ул. Давидашвили, 8. Д-р Вл. Хачатрян.

НА ГАРМОНИКЕ

в короткий срок учат авторы М. Н. и Н. С. ГЕРАСИМОВЫ заочно по самоучителям. Цены: для баяна 3 р. 85 к., альб. №№ 1, 2, 3 и 4 по 2 р. 75 к. с перес. и много отдельн. пьес. Для двухрядной, по цифр. сист.—2 р. 50 к., поточно-цифр.—3 р. 25 к. и альб. №№ 1, 2, 3, 4 и 5 по 2 р. 75 к.; для хромки север. по цифр.—2 р. 75 к. Проспект высыл. за 10-к. марку. Адрес: Москва, «1 Черкизово, Зелье» пер. д. № 4/В. Н. С. Герасимову.

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ.
ВЫТЯЖКА из СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ
подготовленная по способу профессора ДРА. СЕКАРОВА
ПОИ ОТСУТСТВУЮЩИХ В ЛЕКАРСТВЕННЫХ МАГАЗИНАХ САНИТАРНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ВЫСЛАЕТ СЕ МЕНЕЕ 25 КОПЕЕК ПО ПОЛУЧЕНИИ 25 КОПЕЕК ЗАКАЗА
ЦЕНА ЗА БУЛКАН 2 РУБ. 50 К. ПЕРЕСЫЛА ЗА НАШ СЧЕТ
ВРАЧАМ ДАЕТ ИСПЫТАНИИ С РАТИС
ГАЛЕН МОСКВА 2 ВЫСЛАЕТ ЗАКАЗЧИКАМ

ТЕХНИКА, РЕМЕСЛА И ДР.

!!! НОВИНКИ 1930 г. !!!

ПИРОТЕХНИКА.—Фейерверочное дело, 100 стр., с 71 рис., общедоступн. руководство для ремесл., кустарей и любит. Сост. Александров. Ц. 1 р. 40 к.
ЗЕРКАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. Наводка кустарей. Сост. Бильченко. 2-е изд. С пер. ц. 1 р.

НАБИВКА ЧУЧЕЛ ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ. 96 стр., бол. 100 рис., 20 г., для куст. Сост. Демур. С пер. ц. 1 р.
КАК СДЕЛАТЬ КЛЕЕНКУ, ЛИНОЛЕУМ, НЕСГОРАЕМ. И НЕПРОМОК. ТКАНИ, ОБУВЬ И ДР. Сост. Бильченко, для кустарей и ремеслен. 29 г. 128 стр., с рис. Ц. 1 р. 40 к.
БОЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. Ц. 50 к. **ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.** Ц. 50 к. **МАСЛОБОЙНОЕ ПРОИЗВ.** Ц. 60 к. **КУ-СТАРЬ-СМОЛОКУР** (как получить смолу, деготь). Ц. 35 к. **ОБРАБОТКА КОЖИ.** Дубление, материалы и др. 140 стр. 27 г. Сост. Кроулейн. Ц. 1 р. 75 к.

КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО. Выделка разных сортов кожи. 152 стр., с рис. 27 г. Сост. Боргман. Ц. 2 р. **АДАМ.** Монтер по отоплению. Со 123 рис. 27 г. Ц. 1 р. **ИРРЕСБЕРГЕР.** Литейное дело (плавка в вакуумных). С 57 рис. 27 г. Ц. 70 к.

КАРПОВ. Электрич. измеритель. приборы. 180 стр., 114 рис. 27 г. Ц. 2 р. 50 к. **БЕРНШТЕЙН** и др. Электрическое освещение. Электр. нагреват. приборы. С 205 рис. 200 стр. Ц. 3 р. 50 к.

ТИТОВ. Картонажное дело (пакеты, коробки и др.). С рис. Ц. 40 к.

ФОТОСПРАВОЧНИК, РЕЦЕПТУРА. 447 стр. 28 г. Составил Евдокимов. Ц. 2 р. 50 к. **ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ.** Бокс, борьба, джигу-джигу, гребля, плавание, зимн. и др. 536 стр. Короновского. Ц. 2 р. 50 к.

КАК ПИСАТЬ СТИХИ, СТАТЬИ И РАССКАЗЫ. Шенгели. 30 г. Ц. 90 к.

ШКОЛА КРОЙКИ И ШИТЬЯ мужск., дамск. и детск. верхн. и нижн. платья и белья. 29 г. Сост. Гринкевич и др. Ц. 2 р. 75 к.

А также высылают ЛЮБУЮ КНИГУ налож. платеж. Книж. магазин „НАУКА И ЖИЗНЬ“, С. Н. Николаева, Москва, 9, Воздвиженка, 4/С.

НОТЫ

ЛЮБЫЕ НЕМЕДЛЕННО ВЫСЫЛАЕМ налож. платеж. КАТАЛОГИ БЕСПЛАТНО. В издании Музторга ПТО МОНО вышла следующая методологическая библиотечка в трех выпусках:

„ИГРА НА ФОРТЕПИАНО“

Выпуск 1-й. БРЕЙТГАУПТ—Естественная фортепианная техника, под редакцией Марка Мейчика, часть 1, ц. 1 р. 50 к.
Выпуск 2-й. БРЕЙТГАУПТ—Основы фортепианной техники Г. Прокофьева и М. Мейчика, под общей редакцией М. Мейчика. Цена 1 руб. 75 коп.

Выпуск 3-й. ТЕТЧЕЛЬ Е.—Современная фортепианная техника, сокращенный перевод М. Мейчика. Цена 1 руб. 75 коп.

Торговым организациям большая скидка. Учащимся школ и музыкантам, клубам—скидка 10%.

Заказы адресовать: МОСКВА, Центр. Театральный проезд, 7/В, МУЗТОРГ ПТО МОНО.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую, как новую, так и старую, выс. налож. плат. в 3-дневн. срок. магазин ВЦСПС—Москва, Кузн. Мост, 20/В. Каталог по физкультуре и бухгалтерии выс. по получении 15 к. почт. марки.

ПЕСНИ-МАССОВКИ

БОЙЦАМ ОСОБОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ АРМИИ (ОДВА)

1. „БОЕВАЯ“, муз. Рославца, сл. Безыменского. ц. 5 коп.
2. „НАС ПОБИТЬ—ПОБИТЬ ХОТЕЛИ“, муз. Титова, сл. Д. Бедного, ц. 5 к.
3. „ОСОБАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ“ муз. Красева, сл. Агнцевца, ц. 5 к.

Все песни для запевалы с хором.

Стоимость можно высылать вперед почтовыми марками.

Заказы адресовать: МОСКВА, Центр. Театральный проезд, 7/В, МУЗТОРГ ПТО МОНО.

ЛУЧШАЯ ПАРФЮМЕРИЯ И КОСМЕТИКА

Государственного треста „ТЭЖЭ“

Мыло от 13 к. до 3 р. Ду-
хи от 40 к. до 20 р. Оде-
колон от 40 к. до 6 р. 50 к.
Пудра от 15 к. до 7 р. 50 к.
Крем для лица от 35 к. до
3 р. 50 к. (1 кор.). Губная
помада от 55 к. до 2 р.
Зубной эликсир от 65 к. до 1 р.
Зубная паста от 30 к. до 75 к.
Зубной порошок от 10 к. до 45 к.
(коробка). Зубные щетки от 16 к.
до 1 руб.

СТАНДАРТНАЯ ПОСЫЛКА парфюмерии и косметики гостраста „ТЭЖЭ“

СЕРИЯ № 219. Туалетное мыло—
3 к., зубн. порошок—1 кор., бор-
ный вазелин, эликсир очищен-
ный, пудра цветочная—1 кор.,
цвет. одеколон—1 фл., духи—
1 фл. Цена с упак.—4 р. 50 к.

СЕРИЯ № 211. Душистое мыло—
2 куса, пудра—1 кор., крем
«Леда»—1 бан., личная помада,
румяна сухие, духи, губная по-
мада. Ц. с упак.—5 р. 03 к.

СЕРИЯ № 212. Душ. мыло—2 кус-
ка, зубн. порошок—1 кор., пудра
—1 кор., мыльный порошок,
борный вазелин, крем земля-
нич., цветочный одеколон, ду-
хи. Ц. с упак.—6 р. 10 к.

СЕРИЯ № 213. Душ. мыло—
2 куса, крем Молодости—1 б.,
губ. помада, мыльн. порош.
Нилдия, фиксатор, пудра, зуб.
паста, зуб. щетка—1 шт. Ц. с
упак.—8 р. 48 к.

СЕРИЯ № 214. «Парикмахерская».
Одеколон тройной, вежатель,
бриллиан., мыльн. порошок 400
гр., шампунь в порошке—4 шт.,
пудра бархатная, шампунь жид-
кий. Ц. с упак.—12 р. 60 к.

СЕРИЯ № 215. «Цветущий май».
Мыло—2 куса, пудра, цветоч-
ный одеколон, духи. Ц. с упак.—
7 р. 18 к.

СЕРИЯ № 216. «Новая заря».
Мыло—1 кус, пудра, цветочный
одеколон, цвет. духи. Цена с
упак.—8 р. 48 к.

СЕРИЯ № 217. «Москвичка».
Туалетное мыло, пудра, цвет.
одеколон, духи. Ц. с упак.—
14 р. 48 к.

СЕРИЯ № 218. «Любит не любит».
Туалетное мыло—2 куса, пудра,
одеколон, духи. Ц. с упак.—
10 р. 60 к.

СЕРИЯ № 219. «Ландыш».
Мыло, пудра, духи, одеколон
«Серебр. ландыш» Ц. с упак.—
6 р. 78 к.

СЕРИЯ № 220. «Кармен». Мыло—
1 кусок, пудра, духи, одеколон.
Ц. с упак.—10 р. 18 к.

СЕРИЯ № 221. «Четыре дамы».
Мыло—1 кусок, пудра, духи,
одеколон. Ц. с упак.—7 р. 93 к.

СЕРИЯ № 222. «Пионер». Мыло—
2 куса, зубной порошок—1 кор.,
зубная щетка. Ц. с упак.—
1 р. 15 к.

СЕРИЯ № 223. «Красноармейская».
Туалетное мыло—2 куса, мыль-
ный порошок—1 кор., зубной по-
рошок—1 кор., зубная щетка—1,
одеколон гигиеничный. Ц. с
упак.—1 р. 65 к.

СЕРИЯ № 224. «Косметическая».
Пудра Маска, крем Снежинка,
зубн. паста, лак для ногтей, губ-
ная помада карандаш для бро-
вей, духи, цвет. одеколон. Ц. с
упак.—13 р. 73 к.

ПОСЫЛКА № 225. Мыло разн.—
3 куса, глиcerin—1 фл., реп.
масло—1 фл., вазелин туалет-
ный—1 банка, вазелин борный—
1 т., зубной порошок—1 кор.,
зубная щетка—1 шт., пудра—
1 кор., одеколон тр.—1 фл.,

мыльн. порошок—1 кор., духи—
1 фл., личная помада. Цена с
упак.—5 р. 58 к.

ПРИМЕЧАНИЕ. Для удешевлен-
ных посылок серии № 222 и 223
рекомендуется выписывать кол-
лективно, не менее 5 комплектов.

КОМПЛЕКТЫ КАРМАННЫХ ЭЛЕКТРИЧЕ- СКИХ ФОНАРЕЙ

(Фонарь, батарея и лампочка).
1) С большим боковым стеклом—
3 р. 15 к. 2) С большим верхним
стеклом—2 р. 56 к. 3) Со средним
верхним стеклом—2 р. 46 к. От-
дельно запасная лампочка—30 к.
Запасная батарея—50 к.

ПОДАРОК ХОЗЯЙКАМ Стандартная посылка № 203,

состоящая из предметов, необхо-
димых каждой хозяйке: нитки
черн. «Медведь» 500 ярд. (2 1/2 ка-
туш.), сантиметр—1 шт., иглы
разн.—25 шт., наперстки стальн.—
2 шт., кнопки платяльные—20 шт.,
нитки шелков. разн. цв.—10 клубк.,
нитки штоп.—10 клубк., чулки
дамск.—3 пары, зеркало туалет-
ное ручное—1 шт.
Стоимость всей посылки с упак-
овкой и пересылкой—8 рублей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ

МЯСОРУБКИ № 5—7 р. 50 к.
ВЕСЫ столовые (грузоподъем-
ностью 5 кг.)—23 р. 75 к.
БЕЗМЕНЫ—5 р. 30 к.
ЛОЖКИ столовые ФРАЖЕ (ни-
келир.)—8 р. 75 к., 9 р.

ЩИПЦЫ для сахара Павловск.
фас., мелкие, ц. шт.—67 к., сред-
ние, ц. шт.—67 к., крупные, ц.
шт.—75 к.

ЩИПЦЫ Тульск. фас., мелкие, ц.
шт.—60 к., средн. ц. шт.—66 к.,
крупн.—77 к.

НОЖИ для вскрытия консервов
стальн. прост.—18 к., массивные
лучш. с.—1 р. и 1 р. 25 к.

НОЖИ хлебные и кухонные разн.
всевозможн. размеров (в зависи-
мости от величины, качества
работы и отделки)—от 50 к. до
2 рублей.

НОЖИ поварские тройки. Ц.
1 компл.—5 р. 65 к.
НОЖ-ПИЛА хлебн., стальн. Ц.
1 шт.—1 р. 32 к.

НОЖИ столовые с вилками одно-
стальн. с руч. гравир. луч. сорт
(10 ножей и 10 вилок, крупнее—
10 р. десятков), средние—3 р. 50 к.,
десертные—8 р. 60 к.

НОЖИ столовые с вилками штамп-
ован., нов. сорт, 10 ножей и
10 вилок—5 р. 20 к.

НОЖИ столовые без вилок одно-
стальн. за десятков—5 р. 65 к.

ВИЛКИ трехровные стальн.,
штампов., новый сорт, за деся-
ток—1 р. 75 к.

НОЖНИЦЫ обыкновен. фас. 19 см.,
никел., ц. шт.—1 р. 35 к., 18 см.
—1 р. 25 к.

НОЖНИЦЫ колено 19 см.—1 р.
55 к., 16 см.—1 р. 44 к., портнов-
ские № 6—2 р. 10 к., № 7—2 р.
90 к., № 8—3 р. 30 к.

ШТОПОРЫ с дерев. ручками, то-
чел., крашен.—37 к.
ВСЕВОЗМОЖН. карман. перочин.
ножи, стальные лезвия—от 70 к.
до 4 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
ПО ТОРГОВО-
ПОСЫЛОЧНЫМ
И ПОСРЕДНИЧЕСКИМ ОПЕРАЦИЯМ
С О Т О Р А Н И И Н А Р К О М Т О Р Г А Р С Ф С Р А И Д Л И Н И

ОБУВЬ ГОС. ФАБ. Р. И КУСТАРНАЯ

МУЖСКАЯ ОБУВЬ. Птилеты
гос. ф-к хр. черн., ц. от 9 р. 36 к.
до 13 р. 18 к.; тоже хр. цветн.—
от 12 р. 91 к. до 17 р. 50 к.; тоже
швэр. черн.—от 15 р. до 21 р.;
птилеты кустарные хр. черн.—
от 15 р. 15 к. до 25 р.; тоже хр.
цветн.—от 16 р. 50 к. до 27 р.

ЖЕНСКАЯ ОБУВЬ. Плутеры черн.
хром. ц. от 8 р. 54 к. до 12 р.
50 к.; тоже цветн. швэр.—от 17 р.
70 к. до 25 р. 50 к.

ДЕТОКАЯ ОБУВЬ. Гусары черн.
хром. ц. от 8 р. 54 к. до 12 р.
тоже цветн.—от 5 р. 57 к. до 8 р.
35 к. Ботинки м/дев. черн. хр.
ц. от 5 р. 87 к. до 6 р. 32 к.; то-
же цветн. хром.—от 7 р. 18 к. до
8 р. 30 к. Ботинки мальчик. хр.
черн., ц. от 6 р. 83 к. до 7 р.
37 к.; тоже цветн.—от 8 р. 52 к.

МОСКАТЛЬНО-ХИМИЧЕСКИЕ ТОВАРЫ

ХИМИКАТА И ГОСУД. ТРЕСТОВ.
КРАСКИ для крашения мате-
риал, пряжи, спорков и пр.,
в пакетах. Каждый пакет
окрашивает 500 гр. ткани,
цвета любые. Ц. за 1 пакет.—23

СИНЬКА выщип. сорта, чи-
стая, без примесей, в паке-
тах по 10 гр.—за 1 пакет.—08

ИЗВЕЩЬ хлорная для отбел-
ки тканей, для обеззаражи-
вания питьевой и сточной
воды из загрязненных мест
—за 1 кг.—70

НАФТАЛИН в шариках—за
1 кг.—130

АММОНИЙ углекислый для
хлебопечения—за 1 кг.—195

ЩЕЛОК д/стирки белья в
упак. по 1/2 кг.—за 1 кг.—22

СКИПИДАР очищенный—
флакон 50 гр.—19

НАЖДАК порошком для
чистки и полировки ножей
и вилок, в красив. коробк. за
250 гр.—20 к., за 500 гр.—33 к., за
1000 гр.—45 к.

МАСТИКА для полов и липо-
леум; восковая за банку—45 к.,
водная за банку—45 к.

ЛАКИ: масляные и спиртовые,
сиккативы и политура всех сор-
тов.

КРАСКИ: анилиновые, малярные,
эмалевые, тертые и сухие всех
сорт и цветов.

ФИКСОЛИ: эмалевые краски, не
требующие после себя лаки-
ровки.

ХИМИЧЕСКИЕ продукты разные:
аммоний углекислый, бура техн.
крист., канифоль, сахар-сатурн,
хлоринк твердый для пайки,
хлорная известь, воск пчели-
ный, перезин желтый, декстрин
белый, желтый и палевый и
другие химикалии.

КИСТИ малярные всех сортов и
№№. Заказы на анилиновые
краски выполняются только для
распорядков, производ. объединен.
и коллективов.

ВСЕ ПРЕДМЕТЫ САНИТАРИИ И
ГИГИЕНЫ «ГОНЕЦ» ВЫСЫЛАЕТ
НЕМЕДЛЕННО ПО ЦЕНАМ ГО-
СУДАРСТВЕННЫХ ТРЕСТОВ.

Термометры—2 р. 15 коп.
Все для ухода за матерью, ребен-
ком и больными.

ПАТЕНТОВАННЫЕ СРЕДСТВА ГОСМЕДТОРГПРОМА.

Спермин-фармакон (препа-
рат из семенных желез)
флакон—1 р. 50 к.
Фитин в капсулах 1 корбо-
ка—60 к., таблет. 40 к.
Сульфолан (мазь от чесот-
ки)—35 коп.
Араган (порошок против
клопов и др. насеко-
мых)—12 кор.—2 р. 40 к.
Имеется и другие лечебные сред-
ства Госмедторгпрома.

ДОМАШНИЕ И АПТЕЧКИ КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ ГОСМЕДТОРГПРОМА

СЕРИЯ «В» п. 5 р. Домашняя
аптечка в специальном дере-
вяннике с отделениями для по-
стоянного хранения лекарств.
Содержит 31 предмет.

СЕРИЯ «Б» п. 3 р. Домашняя
аптечка в специальном дере-
вяннике с отделениями для по-
стоянного хранения лекарств.
Содержит 24 предмета.

СЕРИЯ «Е» п. 2 р. Домашняя
аптечка в фанерном ящике. Со-
держит 21 предмет.

АПТЕЧКА дорожная—1 р. 50 к.

СРЕДСТВА ДЛЯ ПРЕДУПРЕ- ЖДЕНИЯ

БЕРЕМЕННОСТИ

рекомендованные Центральной
научной комиссией Наркомаздрава.
Паста «ПЕРЕКОНСОЛ» с прибо-
ром—1 руб.

Пиливалы. «КОНТРАЦЕПТИН»
20 шт.—80 к.

Шарики «КОНТРАЦЕПТИН» 30
шт.—1 р. 20 к.

РАДИОСТАНДАРТНАЯ ПОСЫЛ- КА № 208

Крестьянский детекторный при-
емник с двухм. телефоном, де-
тектором и полным набором ан-
тенного материала. Цена с пере-
сылкой и упаковкой—15 руб.

МЕДНО-ДУХОВЫЕ ОРКЕСТРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

(По моделям бывш. ф-ки Цим-
мерман). Овальная формы, исклю-
чительно никелированные.

Корнет в тоне В лег. вентиля—
138 р. Трубы в тоне В лег. венти-
ля—156 р. Альты в тоне Б лег.
вентиля—250 р. Тенор в тоне Б
лег. вентиля—315 р. Баритон в
тоне В лег. вентиля 3-х пед.—
265 р. Баритон в тоне В лег. вен-
тиля 4-х пед.—415 р. Бас в тоне
Б лег. вентиля, геликон—470 р.
Бас в тоне В лежач. вентиля—
525 руб.

РУЖЬЯ ОХОТНИЧЬИ И СПОРТИВНЫЕ

ШОМПОЛЬНЫЕ одно-
ствольные, калибр 24,
28 и 32. Цена 16 руб.

МЕЛКОКАЛИБРНАЯ
спортивная винтовка
по типу заграничных
винтовок «ГЕК» вы-
пуска «ТОЗ»—30 р. 60 к.

РУЖЬЕ сист. ФРОЛОВА
Калибр 28. Цена—38 р.

Примечание. Инди-
видуально высладе-
ся только с разреше-
ния милиции и орга-
нов ГПУ.

Ружья БЕРДАНЬ хоро-
шей работы от 20 р. до 22 р. Па-
троны к м/к. винтовкам за 10 шт.
—2 р. Гильзы медн. для фроло-
вок 28 и 32 к., шт.—10 к. Па-
трончики разных размеров—3 р.
50 к. Бумажные гильзы всех ка-
либров за 10 шт. от 3 р. 60 к. до
3 р. 80 к. Футляры ружейные
жесткие, отд. брезентом и кожей—
18 р. 60 к.

Упаковка и пересылка по себестоимости. При заказе обязателен аванс в размере 25% стоимости его, остальное
напоженным платежом. Заказы и деньги направлять по адресу: Москва, «ГОНЕЦ» 6, Москворецкая ул., д. 24/11.

НАСТОЯЩЕЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ СЛУЖИТ ВРЕМЕННЫМ ПРЕЙСКУРАНТОМ, СОХРАНИТЕ ЕГО

